

КОНСТАНТИН БАЛЬМОНТ,
ВАЛЕРИЙ БРЮСОВ,
АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ И
ДР.

СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК. ЛИРИКА

Стихи о любви (АСТ)

Анатолий Мариенгоф
Серебряный век. Лирика

«Public Domain»

1907-1931

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

Мариенгоф А. Б.

Серебряный век. Лирика / А. Б. Мариенгоф — «Public Domain»,
1907-1931 — (Стихи о любви (АСТ))

ISBN 978-5-17-105273-7

В начале XX века в России происходил небывалый культурный всплеск, особенно насыщенной и разнообразной в то время стала поэзия. Появились новые поэтические течения и направления, развивались и переосмысливались старые приемы, звучали новые имена. В этот сборник вошли стихотворения поэтов, которые сформировали этот период и навсегда сделали Серебряный век великим эпизодом в истории русской культуры.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-105273-7

© Мариенгоф А. Б., 1907-1931
© Public Domain, 1907-1931

Содержание

Георгий Адамович	10
«Через миллионы лет...»	10
«Один сказал: «Нам этой жизни мало...»»	11
«Я не тебя любил, но солнце, свет...»	12
«О том, что смерти нет, и что разлуки...»	13
«Ни музыки, ни мысли – ничего...»	14
«Рассвет и дождь. В саду густой туман...»	15
«Без отдыха дни и недели...»	16
Иннокентий Анненский	17
Среди миров	17
Смычок и струны	18
В марте	19
Август	20
1. Хризантема	20
2. Электрический свет в аллее	20
Параллели	22
Тринадцать строк	23
Две любви	24
Константин Бальмонт	25
«Я мечтою ловил уходящие тени...»	25
Челн томленья	26
«Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...»	27
«Я – изысканность русской...»	28
Минута	29
К Елене	30
Норвежская девушка	31
Андрей Белый	32
Вспомни	32
Асе	33
К ней	34
Любовь	35
Осень	36
Побег	37
Мои слова	38
Путь к невозможному	39
Валерий Брюсов	40
В будущем	40
Творчество	41
Женщине	42
«Как царство белого снега...»	43
«О, когда бы я назвал своею...»	44
Я люблю другого	45
«Я много лгал и лицемерил...»	46
Каждый миг	47
«Что день, то сердце все устaley...»	48
Давид Бурлюк	49

Зеленое и голубое	49
Веер весны	50
Монолог уличновстречного	51
«Огней твоих палящих слава...»	52
Весенний бык	53
Максимилиан Волошин	54
«К этим гулким морским берегам...»	54
«В эту ночь я буду лампадой...»	55
«И будут огоньками роз...»	56
«Теперь я мертв. Я стал строками книги...»	57
«То в виде девочки, то в образе старушки...»	58
«Обманите меня... но совсем, навсегда...»	59
Кастаньеты	60
«Я, полуднем объятый...»	61
Зинаида Гиппиус	62
Игра	62
Между	63
«Мешается, сливается...»	64
Надпись на книге	65
Она	66
Цветы ночи	67
Часы стоят	68
Счастье	69
Любовь – одна	70
Михаил Зенкевич	71
Человек	71
Камни	72
Ящеры	73
«Всему – весы, число и мера...»	74
«Подсолнух поздний догорал в полях...»	75
«И нас – два колоса несжатых...»	76
Вячеслав Иванов	77
Медный всадник	77
Светлячок	79
Утро	80
«Пора сказать: я выпил жизнь до дна...»	82
Ностальгия	83
Любовь	84
Осень	85
Георгий Иванов	86
«В ветвях олеандровых трель соловья...»	86
«Из облака, из пены розовой...»	87
«Как всё бесцветно, всё безвкусно...»	88
«Легкий месяц блеснет над крестами	89
«Мелодия становится цветком...»	90
«Оттого и томит меня шорох травы...»	91
«Охотник веселый прицелится...»	92
«Распыленный мильоном...»	93
«Это только синий ладан...»	94

«Край земли. Полоска дыма...»	95
«Эмалевый крестик в петлице...»	96
Николай Клюев	97
«Есть на свете край обширный...»	97
«Мне сказали, что ты умерла...»	98
«Я люблю цыганские кочевья...»	99
«Певучей думой обуя...»	100
Старуха	101
«Любви начало было летом...»	102
Осинушка	103
Михаил Кузмин	104
««Люблю», – сказал я не любя...»	104
Утро	105
«В последний раз зову тебя, любовь...»	106
«Я книгу предпочту природе...»	107
«Декабрь морозит в небе розовом...»	109
«Золотая Елена по лестнице...»	110
«Если б ты был небесный ангел...»	111
Бенедикт Лившиц	112
Эрос	112
Июль	113
Александрийский театр	114
Нева	115
«Как душно на рассвете века!...»	116
Предчувствие	117
Мирра Лохвицкая	118
«Если прихоти случайной...»	118
«Твои уста – два лепестка граната...»	119
«Я не знаю, зачем упрекают меня...»	120
Свет вечерний	121
Анатолий Мариенгоф	122
«Ночь, как слеза, вытекла из огромного глаза...»	122
Тучелёт	123
«На каторгу пусть приведет нас дружба...»	125
«Утихни, друг. Прохладен чай в стакане...»	126
Дмитрий Мережковский	127
«Пощады я молю! Не мучь меня, Весна...»	127
«В небе, зеленом, как лед...»	128
Голубое небо	129
«Как наполняет храм благоуханье...»	130
Не-Джиоконде	131
Одиночество в любви	132
«Ослепительная снежность...»	133
Весеннее чувство	134
Софья Парнок	135
«Каждый вечер я молю...»	135
«Не хочу тебя сегодня...»	136
«Он ходит с женщиной в светлом...»	137
«Она беззаботна еще, она молода...»	138

Седая роза	139
«Скажу ли вам: я вас люблю?»	140
«Смотрят снова глазами незрячими...»	141
«Тоскую, как тоскуют звери...»	142
«Ты помнишь коридорчик узенький...»	143
«Этот вечер был тускло-палевый...»	144
Газэлы	145
Игорь Северянин	146
Маленькая элегия	146
Увертюра	147
Это было у моря	148
«В парке плакала девочка...»	149
Классические розы	150
Странно	151
Мороженое из сирени	152
В парке плакала девочка	153
Владимир Соловьёв	154
«Милый друг, иль ты не видишь...»	154
«Бедный друг! истомил тебя путь...»	155
«Какой тяжелый сон!..»	156
На Сайме зимой	157
Сергей Соловьёв	158
«Лазурью осени прощальной...»	158
Элегия	159
«Коснись рукой до струн...»	160
Три видения	161
Федор Сологуб	162
Всё, во всём	162
Ариадна	163
Ангел Благого Молчания	164
Чёртовы качели	165
«Призрак ели с призраком луны...»	167
«Чиста любовь моя...»	168
«Прохладная забава...»	169
«Румяным утром Лиза, весела...»	170
Константин Фофанов	171
«Вселенная во мне...»	171
«Потуши свечу, занавесь окно»	172
«В кругу бездушном тьмы и зла»	173
«Это было когда – то давно!..»	174
После грозы	175
«У поэта два царства: одно из лучей...»	176
Велимир Хлебников	177
«Где прободают тополя жесь...»	177
Детуся!...	178
«Когда умирают кони – дышат...»	179
Кузнечик	180
«Мне мало надо!..»	181
«О Азия! тобой себя я мучу...»	182

«Снежно – могучая краса...»	183
«Там, где жили свиристели...»	184
Владислав Ходасевич	185
Вечером синим	185
«Зазвени, затруби, карусель...»	186
«В беседе хладной, повседневной...»	187
«Вот в этом палаццо жила Дездемона...»	188
Дождь	189
«Леди долго руки мыла...»	190
«Ищи меня в сквозном весеннем свете...»	191
На грибном рынке	192
Перед зеркалом	193
«Перешагни, перескочи...»	194
«Нет ничего прекрасней и привольней...»	195
Вадим Шершеневич	196
Жернова любви	196
«О царица поцелуев!..»	197
Последнее слово обвиняемого	198
Принцип звука минус образ	199
Принцип растекающегося звука	201
«Нет слов короче, чем в стихах...»	202

Серебряный век. Лирика

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Георгий Адамович

«Через миллионы лет...»

Через миллионы лет – о, хоть в эфирных волнах! —
Хоть раз – о, это все равно! —
Померкшие черты среди теней безмолвных
Узнать мне будет суждено.

И как мне хочется – о, хоть бессильной тенью! —
Без упоения и мук,
Хоть только бы прильнуть – о, только к отраженью! —
Твоих давно истлевших рук.

И чтоб над всем, что здесь не понял ум беспечный,
Там разгорелся наконец
Огромный и простой, торжественный и вечный
Свет от слиянья двух сердец.

«Один сказал: «Нам этой жизни мало...»»

Один сказал: «Нам этой жизни мало»,
Другой сказал: «Недостижима цель»,
А женщина привычно и устало,
Не слушая, качала колыбель.

И стертые веревки так скрипели,
Так умолкали – каждый раз нежнее! —
Как будто ангелы ей с неба пели
И о любви беседовали с ней.

«Я не тебя любил, но солнце, свет...»

Я не тебя любил, но солнце, свет,
Но треск цикад, но голубое море.
Я то любил, чего и следу нет
В тебе. Я на немыслимом просторе

Любил. Я солнечную благодать
Любил. Что знаешь ты об этом?
Что можешь рассказать
Ветрам, просторам, молниям, кометам?

Да, у меня кружилась голова
От неба, от любви, от этой рощи
Оливковой... Ну да, слова.
Ну да, литература... Надо проще.

Был сад во тьме, был ветерок с высот,
Две – три звезды, – что ж не простого в этом?
Был голос вдалеке: «Нет, только он,
Кто знал...» – мне одному ответом.

И даже ночь с Чайковским заодно
В своем безмолвии предвечном пела
О том, что все обречено,
О том, что нет ни для чего предела.
«Нет, только тот...». Пойми, я не могу
Ясней сказать, последним снам не вторя,
Я отплываю, я на берегу
Иного, не земного моря.

Я не тебя любил. Но если там,
Где все кончается, все возникает,
Ты к новым мукам, новым небесам
Покорно, медленно... нет, не бывает...

Но если все – таки... не будет, ложь...
От одного к другому воплощенью
Ты предо мной когда – либо пройдешь
Неузнаваемой, ужасной тенью,

Из глубины веков я вскрикну: да!
Чрез миллионы лет, но как сегодня,
Как солнце вечности, о навсегда,
Всей жизнью и всей смертью – помню!

«О том, что смерти нет, и что разлуки...»

О том, что смерти нет, и что разлуки нет,
И нет земной любви предела,
Не будем говорить. Но так устроен свет,
Где нам дышать судьба велела.

И грустен мне, мой друг, твой образ, несмотря
На то, что ты и бодр и молод,
Как грустно путнику в начале сентября
Вдруг ощутить чуть слышный холод.

«Ни музыки, ни мысли – ничего...»

Ни музыки, ни мысли – ничего.
Тебе давно чистописанья мало,
Тебе давно игрой унылой стало,
Что для других – и путь, и торжество.

Но навсегда впелся в напев твой сонный, —
Ты знаешь сам, – вошел в слова твои,
Бог весть откуда, голос приглушенный,
Быть может, смерти, может быть, любви.

«Рассвет и дождь. В саду густой туман...»

Рассвет и дождь. В саду густой туман,
Ненужные на окнах свечи,
Раскрытый и забытый чемодан,
Чуть вздрагивающие плечи.

Ни слова о себе, ни слова о былом.
Какие мелочи – все то, что с нами было!
Как грустно одиночество вдвоем...
– И солнце, наконец, косым лучом
Прядь серебристую позолотило.

«Без отдыха дни и недели...»

Без отдыха дни и недели,
Недели и дни без труда.
На синее небо глядели,
Влюблялись... И то не всегда.

И только. Но брезжил над нами
Какой – то божественный свет,
Какое – то легкое пламя,
Которому имени нет.

Иннокентий Анненский

Среди миров

Среди миров, в мерцании светил
Одной Звезды я повторяю имя...
Не потому, чтоб я Ее любил,
А потому, что я томлюсь с другими.

И если мне сомненье тяжело,
Я у Нее одной ищу ответа,
Не потому, что от Нее светло,
А потому, что с Ней не надо света.

1909

Смычок и струны

Какой тяжелый, темный бред!
Как эти выси мутно – лунны!
Касаться скрипки столько лет
И не узнать при свете струны!

Кому ж нас надо? Кто зажег
Два желтых лика, два унылых...
И вдруг почувствовал смычок,
Что кто – то взял и кто – то слил их.

«О, как давно! Сквозь эту тьму
Скажи одно: ты та ли, та ли?»
И струны ластились к нему,
Звения, но, ластясь, трепетали.

«Не правда ль, больше никогда
Мы не расстанемся? довольно?..»
И скрипка отвечала да,
Но сердцу скрипки было больно.

Смычок все понял, он затих,
А в скрипке эхо все держалось...
И было мукою для них,
Что людям музыкой казалось.
Но человек не погасил
До утра свеч... И струны пели...
Лишь солнце их нашло без сил
На черном бархате постели.

В марте

Позабудь соловья на душистых цветах,
Только утро любви не забудь!
Да ожившей земли в неживших листах
Ярко – черную грудь!

Меж лохмотьев рубашки своей снеговой
Только раз и желала она, —
Только раз напоил ее март огневой,
Да пьянее вина!

Только раз оторвать от разбухшей земли
Не могли мы завистливых глаз,
Только раз мы холодные руки сплели
И, дрожа, поскорее из сада ушли...
Только раз... в этот раз...

Август

1. Хризантема

Облака плывут так низко,
Но в тумане всё нежней
Пламя пурпурного диска
Без лучей и без теней.

Тихо траурные кони
Подвигают яркий гнет,
Что – то чуткое в короне
То померкнет, то блеснет...

...Это было поздним летом
Меж ракии и на песке,
Перед бледно – желтым цветом
В увядающем венке,

И казалось мне, что нежной
Хризантема головой
Припадает безнадежно
К яркой крышке гробовой...

И что два ее свитые
Лепестка на сходнях дрозд —
Это кольца золотые
Ею сброшенных серег.

2. Электрический свет в аллее

О, не зови меня, не мучь!
Скользя бесцельно, утомленно,
Зачем у ночи вырвал луч,
Засыпав блеском, ветку клена?

Ее пьянит зеленый чад,
И дум ей жаль разоблаченных,
И слезы осени дрожат
В ее листьях раззолоченных, —

А свод так сладостно дремуч,
Так миротворно слиты звенья...
И сна, и мрака, и забвенья...

О, не зови меня, не мучь!

Параллели

1

Под грозные речи небес
Рыдают косматые волны,
А в чаше, презрения полный,
Хохочет над бурей бес.

Но утро зажжет небеса,
Волна золотится и плещет,
А в чаше холодной роса
Слезой завистливой блещет.

2

Золотя заката розы,
Клонит солнце лик усталый,
И глядятся туберозы
В позлащенные кристаллы.

Но не надо сердцу алых, —
Сердце просит роз поблеклых,
Гиацинтов небывалых,
Лилий, плачущих на стеклах

1901

Тринадцать строк

Я хотел бы любить облака
На заре... Но мне горек их дым:
Так неволя тогда мне тяжка,
Так я помню, что был молодым.

Я любить бы их вечер хотел,
Когда, рдея, там гаснут лучи,
Но от жертвы их розовых тел
Только пепел мне снится в ночи.

Я люблю только ночь и цветы
В хрустале, где дробятся огни,
Потому что утехой мечты
В хрустале умирают они...
Потому что – цветы это ты.

Две любви

Есть любовь, похожая на дым;
Если тесно ей – она одурманит,
Дать ей волю – и ее не станет...
Быть как дым, – но вечно молодым.

Есть любовь, похожая на тень:
Днем у ног лежит – тебе внимает,
Ночью так неслышно обнимает...
Быть как тень, но вместе ночь и день...

Константин Бальмонт

«Я мечтою ловил уходящие тени...»

Я мечтою ловил уходящие тени,
Уходящие тени погасавшего дня,
Я на башню всходил, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

И чем выше я шел, тем ясней рисовались,
Тем ясней рисовались очертанья вдали,
И какие – то звуки вокруг раздавались,
Вкруг меня раздавались от Небес и Земли.

Чем я выше всходил, тем светлее сверкали,
Тем светлее сверкали выси дремлющих гор,
И сияньем прощальным как будто ласкали,
Словно нежно ласкали отуманенный взор.

А внизу подо мною уж ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей Земли,
Для меня же блистало дневное светило,
Огневое светило догорало вдали.

Я узнал, как ловить уходящие тени,
Уходящие тени потускневшего дня,
И все выше я шел, и дрожали ступени,
И дрожали ступени под ногой у меня.

Челн томленья

Князю А. И. Урусову

Вечер. Взморье. Вздохи ветра.
Величавый возглас волн.
Близко буря. В берег бьется
Чуждый чарам черный челн.
Чуждый чистым чарам счастья,
Челн томленья, челн тревог,
Бросил берег, бьется с бурей,
Ищет светлых снов чертог.
Мчится взморьем, мчится морем,
Отдаваясь воле волн.
Месяц матовый взирает,
Месяц горькой грусти полн.
Умер вечер. Ночь чернеет.
Ропщет море. Мрак растет.
Челн томленья тьмой охвачен.
Буря воет в бездне вод.

1894

«Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...»

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.
Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.
Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.
Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.
Мою мечту страданья пробудили,
Но я любим за то.
Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.
Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!

1902

«Я – изысканность русской...»

Я – изысканность русской медлительной речи,
Предо мною другие поэты – предтечи,
Я впервые открыл в этой речи уклоны,
Перепевные, гневные, нежные звоны.
Я – внезапный излом,
Я – играющий гром,
Я – прозрачный ручей,
Я – для всех и ничей.
Переплеск многопенный, разорванно – слитный,
Самоцветные камни земли самобытной,
Переклички лесные зеленого мая —
Все пойму, все возьму, у других отнимая.
Вечно юный, как сон,
Сильный тем, что влюблен
И в себя и в других,
Я – изысканный стих.

1902

Минута

Хороша эта женщина в майском закате,
Шелковистые пряди волос в ветерке,
И горенье желанья в цветах, в аромате,
И далекая песня гребца на реке.
Хороша эта дикая вольная воля:
Протянулась рука, прикоснулась рука,
И сковала двоих – на мгновенье, не боле, —
Та минута любви, что продлится века.

1921

К Елене

О, Елена, Елена, Елена,
Как виденье, явись мне скорей.
Ты бледна и прекрасна, как пена
Озаренных Луною морей.

Ты мечтою открыта для света,
Ты душою открыта для тьмы.
Ты навеки свободное лето,
Никогда не узнаешь зимы.

Ты для мрака открыта душою,
Но во тьме ты мерцаешь как свет.
И, прозрев, я навеки с тобою,
Я твой раб, я твой брат и поэт.

Ты сумела сказать мне без речи:
С красотою красивой живи,
Полюби эту грудь, эти плечи,
Но, любя, полюби без любви.

Ты сумела сказать мне без слова:
Я свободна, я вечно одна,
Как роптание моря ночного,
Как на небе вечернем Луна.
Ты правдива, хотя ты измена,
Ты и смерть, ты и жизнь кораблей.
О, Елена, Елена, Елена,
Ты красивая пена морей.

Норвежская девушка

Очи твои, голубые и чистые —
Слиянье небесной лазури с изменчивым блеском волны;
Пряди волос золотистые
Нежнее, чем нить паутины в сиянье вечерней Луны.
Вся ты – намек, вся ты – сказка прекрасная,
Ты – отблеск зарницы, ты – отзвук загадочной песни без слов;
Светлая, девственно – ясная,
Вакханка с душою весталки, цветок под покровом снегов.

Андрей Белый

Вспомни

Вспомни: ароматным летом
В сад ко мне, любя,
Шла: восток ковровым светом
Одевал тебя.

Шла стыдливо, – вся в лазурных
В полевых цветах —
В дымовых, едва пурпурных,
В летних облачках.

Вспомни: нежный твой любовник,
У ограды ждал.
Легкий розовый шиповник
В косы заплетал.

Вспомни ласковые встречи —
Вспомни: видит бог, —
Эти губы, эти плечи
Поцелуем жег.

Страсти пыл неутоленной —
Нет, я не предам!..
Вон ромашки пропыленной —
Там – и там: и там —

При дороге ветром взмыло
Мертвые цветы.
Ты не любишь: ты забыла —
Всё забыла ты.

1906, Мюнхен

Асе (При прощании с ней)

Лазурь бледна: глядятся в тень
Громадин каменные лики:
Из темной ночи в белый день
Сверкнут стремительные пики.

За часом час, за днями дни
Соединяют нас навеки:
Блестят очей твоих огни
В полуопущенные веки.

Последний, верный, вечный друг, —
Не осуди мое молчанье;
В нем – грусть: стыдливый в нем испуг,
Любви невыразимой знанье.

Август 1916, Дорнах

К ней

Травы одеты
Перлами.
Где – то приветы
Грустные
Слышу, – приветы
Милые...

Милая, где ты, —
Милая?

Вечера светы
ясные, —
Вечера светы
Красные...
Руки воздеты:
Жду тебя...

Милая, где ты, —
Милая?

Руки воздеты:
Жду тебя.
В струях Леты,
Смытую
Бледными Леты
Струями...

Милая, где ты, —
Милая?

Апрель 1908, Москва

Любовь

Был тихий час. У ног шумел прибой.
Ты улыбнулась, молвив на прощанье:
«Мы встретимся... До нового свиданья...»
То был обман. И знали мы с тобой,

что навсегда в тот вечер мы прощались.
Пунцовым пламенем зарделись небеса.
На корабле надулись паруса.
Над морем крики чаек раздавались.

Я вдаль смотрел, щемящей грусти полн.
Мелькал корабль, с зарею уплывавший
среди нежных, изумрудно – пенных волн,
как лебедь белый, крылья распластавший.

И вот его в безбрежность унесло.
На фоне неба бледно – золотистом
вдруг облако туманное возшло
и запылало ярким аметистом.

1901 или 1902, Москва

Осень

Мои пальцы из рук твоих выпали.
Ты уходишь – нахмурила брови.

Посмотри, как березки рассыпали
Листья красные дождиком крови.

Осень бледная, осень холодная,
Распростертая в высях над нами.

С горизонтов равнина бесплодная
Дышит в ясную твердь облаками.

1906, Мюнхен

Побег

Твои очи, сестра, остеклели:
Остеклели – глядят, не глядят.
Слушай! Ели, ветвистые ели
Непогодой студенной шумят.

Что уставилась в дальнюю просинь
Ты лицом, побелевшим, как снег.
Я спою про холодную осень, —
Про отважный спою я побег.

Как в испуге, схватившись за палку,
Крикнул доктор: «Держи их, держи!»
Как спугнули голодную галку,
Пробегаю вдоль дальней межи —

Вдоль пустынных, брошенных гумен.
Исхлестали нас больно кусты.
Но, сестра: говорят, я безумен;
Говорят, что безумна и ты.

Про осеннюю мертвую скуку
На полях я тебе пропою.
Дай мне бледную, мертвую руку —
Помертвевшую руку свою:
Мы опять убежим; и заплещут
Огневые твои лоскуты.
Закружатся, заплещут, заблещут,
Затрепещут сухие листья.
Я бегу... А ты?

1906, Москва

Мои слова

Мои слова – жемчужный водомет,
среди лунных снов, бесцельный,
но вспененный, —
капризной птицы лёт,
туманом занесенный.

Мои мечты – вздыхающий обман,
ледник застывших слез, зарей горящий, —
безумный великан,
на карликов свистящий.

Моя любовь – призывно – грустный звон,
что зазвучит и улетит куда – то, —
неясно – милый сон,
уж виданный когда – то.

Май 1901

Путь к невозможному

Мы былое окинули взглядом,
но его не вернуть.
И мучительным ядом
сожаленья отравлена грудь.

Не вздыхай... Позабудь...
Мы летим к невозможному рядом.
Наш серебряный путь
зашумел временным водопадом.

Ах, и зло, и добро
утонуло в прохладе манящей!
Серебро, серебро
омывает струей нас звенящей.

Это – к Вечности мы
устремились желанной.
Засиял после тьмы
ярче свет первозданный.

Глуше вопли зимы.
Дальше хаос туманный...
Это к Вечности мы
полетели желанной.

1903

Валерий Брюсов

В будущем

Я лежал в аромате азалий,
Я дремал в музыкальной тиши,
И скользнуло дыханье печали,
Дуновенье прекрасной души.

Где – то там, на какой – то планете,
Без надежды томилась ты,
И ко мне через много столетий
Долетели больные мечты.

Уловил я созвучные звуки,
Мне родные томленья постиг,
И меж гранями вечной разлуки
Мы душою слилися на миг.

9 августа 1895

Творчество

Тень несозданных созданий
Колыхается во сне,
Словно лопасти латаний
На эмалевой стене.

Фиолетовые руки
На эмалевой стене
Полусонно чертят звуки
В звонко – звучной тишине.

И прозрачные киоски,
В звонко – звучной тишине,
Вырастают, словно блески,
При лазоревой луне.

Всходит месяц обнаженный
При лазоревой луне...
Звуки реют полусонно,
Звуки ластятся ко мне.

Тайны созданных созданий
С лаской ластятся ко мне,
И трепещет тень латаний
На эмалевой стене.

1 марта 1895

Женщине

Ты – женщина, ты – книга между книг,
Ты – свернутый, запечатленный свиток;
В его строках и дум и слов избыток,
В его листах безумен каждый миг.

Ты – женщина, ты – ведьмовский напиток!
Он жжет огнем, едва в уста проник;
Но пьющий пламя подавляет крик
И славословит бешено среди пыток.

Ты – женщина, и этим ты права.
От века убрана короной звездной,
Ты – в наших безднах образ божества!

Мы для тебя влечем ярем железный,
Тебе мы служим, тверди гор дробя,
И молимся – от века – на тебя!

11 августа 1899

«Как царство белого снега...»

Как царство белого снега,
Моя душа холодна.
Какая странная нега
В мире холодного сна!
Как царство белого снега,
Моя душа холодна.

Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва,
Звучат и клятвы, и пени,
Любви и победы слова...
Проходят бледные тени,
Подобны чарам волхва.

А я всегда, Неизменно,
Молюсь неземной красоте;
Я чужд тревогам вселенной,
Отдавшись холодной мечте.
Отдавшись мечте – неизменно
Я молюсь неземной красоте.

23 марта 1896

«О, когда бы я назвал своею...»

О, когда бы я назвал своею
Хоть тень твою!
Но и тени твоей я не смею
Сказать люблю.

Ты прошла недоступно небесной
Среди зеркал,
И твой образ над призрачной бездной
На миг дрожал.

Он ушел, как в пустую безбрежность,
Во глубь стекла...
И опять для меня – безнадежность,
И смерть, и мгла!

Я люблю другого

Летний вечер пышен,
Летний вечер снова...
Мне твой голос слышен:
«Я люблю другого».

Сердца горький лепет
Полон чар былого...
Слышен тихий лепет:
«Я люблю другого».

Смолкни, праздный ропот!
Прочь, упрек! Ни слова!..
Слышен, слышен шепот:
«Я люблю другого».

«Я много лгал и лицемерил...»

Я много лгал и лицемерил,
И много сотворил я зла,
Но мне за то, что много верил,
Мои отпустятся дела.

Я дорожил минутой каждой,
И каждый час мой был порыв.
Всю жизнь я жил великой жаждой,
Ее в пути не утолив.

На каждый зов готов ответить,
И, открывая душу всем,
Не мог я в мире друга встретить
И для людей остался нем.

Любви я ждал, но не изведал
Ее в бездонной полноте, —
Я сердце холодности предал,
Я изменял своей мечте!

Тех обманул я, тех обидел,
Тех погубил, — пусть вопиют!
Но я искал — и это видел
Тот, кто один мне — правый суд!

16 апреля 1902

Каждый миг

Каждый миг есть чудо и безумье,
Каждый трепет непонятен мне,
Все запутаны пути раздумья,
Как узнать, что в жизни, что во сне?

Этот мир двояко бесконечен,
В тайнах духа – образ мой исчез;
Но такой же тайной разум встречен,
Лишь взгляну я в тишину небес.

Каждый камень может быть чудесен,
Если жить в медлительной тюрьме;
Все слова людьми забытых песен
Светят таинством порой в уме.

Но влечет на ярый бой со всеми
К жизни, к смерти – жадная мечта!
Сладко быть на троне, в диадеме,
И лобзать покорные уста.

Мы на всех путях дойдем до чуда!
Этот мир – иного мира тень.
Эти думы внушены оттуда,
Эти строки – первая ступень.

6 сентября 1900

«Что день, то сердце все устaley...»

Что день, то сердце все устaley
Стучит в груди; что день, в глазах —
Тусклей наряд зеленых далей
И шум и смутный звон в ушах;

Все чаще безотчетно давит,
Со dna вставая, душу грусть,
И песнь, как смерть от дум избавит,
Пропеть я мог бы наизусть.

Так что ж! Еще работы много,
И все не кончен трудный путь.
Веди ж вперед, моя дорога,
Нет, все не время – отдохнуть!

И под дождем лучей огнистых,
Под пылью шумного пути
Мне должно, мимо рощ тенистых,
С привала на привал идти.

Не смею я припасть к фонтану,
Чтоб освежить огонь лица,
Но у глухой судьбы не стану
Просить пощады, – до конца!

Путем, мной выбранным однажды,
Без ропота, плетясь, пойду
И лишь взгляну, томясь от жажды,
На свежесть роз в чужом саду.

1919

Давид Бурлюк

Зеленое и голубое

Презрев тоску, уединись к закату,
Где стариков живых замолкли голоса.
Кто проклинал всегда зеленую утрату,
Тот не смущен победным воем пса.

О золотая тень, о голубые латы!
Кто вас отторг хоть раз, тот не смутится днем.
Ведь он ушел навек, орел любви крылатый,
И отзвук радости мы вожделенно пьем.

1910

Веер весны

Посв. Сам. Вермель

Жемчужный водомет развеяв,
Небесных хоров снизошед,
Мне не забыть твой вешний веер
И примаверных взлетов бред...
Слепец не мог бы не заметить
Виденьем статным поражен:
Что первым здесь долине встретить
Я был искусственно рожден.

1916

Монолог уличновстречного

Н. Н. Евреинову

Камни, стены, чугунные решетки...
Что ждать? Кого искать?...
Он:
– «Люблю рассматривать, блуждая, души витрин,
Всегда нарядные представительно;
Я фантазер ведь, покаюсь, немного действительно.
И времени своему господин.
– Здесь этой – ажурные дамские панталоны
И корсеты, не жмущие ничьих боков —
(Руки упорных холостяков);
...пылким любовникам вечные препоны;
А вот: это для меня важнее, „все что угодно дамской ноге“!..
Я так давно обувь ищу Сатирессе
Знаете... встретил ее экспрессе,
Идущем русской зимней пурге...
– Не могу сказать, каком она роде:
Не то солнечный луч, не то туман...
Разбросив запахи лесных полян,
Она была одета шикарно „по моде“,
А когда топоча побежала панели буфету,
Я вдруг заметил: да ведь она босиком!!
Мечусь теперь, мечусь по свету,
Озабочен ее башмаком...
И сколько не видел столичных витрин.
Заметьте, башмачник забыл о копытце!.
Для всяких размеров старался аршин,
Но все это даме моей не годится...
Окончательно...»

1916

«Огней твоих палящих слава...»

Огней твоих палящих слава —
По склонам свергнутая лава —
Багрово – синих глыбы снов,
Кошмар, что вечно будет нов!

1921

Иокогама

Япония

Весенний бык

Весенним соком упоенный,
Прозрачной встреченный фатой,
Я ныне осязаю звоны
Спеленатые высотой —
Я – светорыцарь листьев клейких,
Себя почувствовал быком,
Ушедшим вдруг из зимнекеleyки,
Травы зеленожрущим ком!

Вообразил: надволжской фермой,
Облокотившейся на бык,
Когда разливабунтом нервно
Свободу Каспия добыть...
Весной послушные забавы,
Что фантазийные легки;
Как с мыком рвутся чрез канавы
Листвой пронзенные быки.

Пусть Я в Нью – Йорке,
Пусть в вагоне.
При прядях электричьих свеч —
Не укатали сивку горки!
Душа на выпрленном амвоне
Косая сажень бычьих плеч!!

1924 Май, Нью – Йорк

Максимилиан Волошин

«К этим гулким морским берегам...»

Ел. Дмитриевой

К этим гулким морским берегам,
Осиянным холодною синью,
Я пришла по сожженным лугам,
И ступни мои пахнут полынью.

Запах мяты в моих волосах,
И движеньем измяты одежды;
Дикой масличной ветвью в цветах
Я прикрыла усталые вежды.

На ладонь опирая висок
И с тягучею дремой не споря,
Я внимаю, склонясь на песок,
Кликаю ветра и голосу моря...

Май 1909

Коктебель

«В эту ночь я буду лампадой...»

В эту ночь я буду лампадой
В нежных твоих руках...
Не разбей, не дыши, не падай
На каменных ступенях.

Неси меня осторожней
Сквозь мрак твоего дворца, —
Станут биться тревожней,
Глуше наши сердца...

В пещере твоих ладоней —
Маленький огонек —
Я буду пылать иконней...
Не ты ли меня зажег?

До 8 июля 1914

«И будут огоньками роз...»

И будут огоньками роз
Цвети шиповники, аляя,
И под ногами млеть откос
Лиловым запахом шалфея,
А в глубине мерцать залив
Чешуйным блеском хлябей сонных,
В седой оправе пенных грив
И в рыжей раме гор сожженных.
И ты с приподнятой рукой,
Не отрывая взгляд от взморья,
Пойдешь вечернею тропой
С молитвенного плоскогорья...
Минуешь овчий кош, овраг...
Тебя проводят до ограды
Коров задумчивые взгляды
И грустные глаза собак.
Крылом зубчатым вырастая,
Коснется моря тень вершин,
И ты изникнешь, млея, тая
В полынном сумраке долин.

14 июня 1913

«Теперь я мертв. Я стал строками книги...»

Теперь я мертв. Я стал строками книги
В твоих руках...
И сняты с плеч твоих любви вериги,
Но жгуч мой прах.
Меня отныне можно в час тревоги
Перелистать,
Но сохраняют всегда твои дороги
Мою печать.
Похоронил я сам себя в гробницы
Стихов моих,
Но вслушайся – ты слышишь пенье птицы?
Он жив – мой стих!
Не отходи смущенной Магдалиной —
Мой гроб не пуст...
Коснись единый раз на миг единый
Устами уст.

1910

«То в виде девочки, то в образе старушки...»

То в виде девочки, то в образе старушки,
То грустной, то смеясь – ко мне стучалась ты:
То требуя стихов, то ласки, то игрушки
И мне даря взамен и нежность, и цветы.

То горько плакала, уткнувшись мне в колени,
То змейкой тонкою плясала на коврах...
Я знаю детских глаз мучительные тени
И запах ладана в душистых волосах.

Огонь какой мечты в тебе горит бесплодно?
Лампада ль тайная? Смиренная свеча ль?
Ах, все великое, земное безысходно...
Нет в мире радости светлее, чем печаль!

21 декабря 1911

«Обманите меня... но совсем, навсегда...»

Обманите меня... но совсем, навсегда...
Чтоб не думать зачем, чтоб не помнить когда...
Чтоб поверить обману свободно, без дум,
Чтоб за кем – то идти в темноте наобум...
И не знать, кто пришел, кто глаза завязал,
Кто ведет лабиринтом неведомых зал,
Чье дыханье порою горит на щеке,
Кто сжимает мне руку так крепко в руке...
А очнувшись, увидеть лишь ночь и туман...
Обманите и сами поверьте в обман.

1911

Кастаньеты

Е. С. Крутиковой

Из страны, где солнца свет
Льется с неба жгуч и ярок,
Я привез себе в подарок
Пару звонких кастаньет.
Беспокойны, говорливы,
Отбивая звонкий стих, —
Из груди сухой оливы
Сталью вырезали их.
Щедро лентами одеты
С этой южной пестротой;
В них живет испанский зной,
В них сокрыт кусочек света.
И когда Париж огромный
Весь оденется в туман,
В мутный вечер, на диван
Лягу я в мансарде темной,
И напомнят мне оне
И волны морской извивы,
И дрожащий луч на дне,
И узлистый ствол оливы,
Вечер в комнате простой,
Силуэт седой колдуньи,
И красавицы плясуньи
Стан и гибкий и живой,
Танец быстрый, голос звонкий
Грациозный и простой,
С этой южной, с этой тонкой
Стрекозиной красотой.
И танцоры идут в ряд
Облитые красным светом,
И гитары говорят
В такт трескучим кастаньетам,
Словно шелканье цикад
В жгучий полдень жарким летом.

Июль 1901

Mallorca. Valdemosa

«Я, полуднем объятый...»

Я, полуднем объятый,
Точно крепким вином,
Пахну солнцем и мятой,
И звериным руном.

Плоть моя осмуглела,
Стан мой крепок и туг,
Потом горького тела
Влажны мускулы рук.

В медно – красной пустыне
Не тревожь мои сны —
Мне враждебны рабыни
Смертно – влажной Луны.

Запах лилий и гнили
И стоячей воды,
Дух вербены, ванили
И глухой лебеды.

10 апреля 1910
Коктебель

Зинаида Гиппиус

Игра

Совсем не плох и спуск с горы:
Кто бури знал, тот мудрость ценит.
Лишь одного мне жаль: игры...
Ее и мудрость не заменит.

Игра загадочней всего
И бескорыстнее на свете.
Она всегда – ни для чего,
Как ни над чем смеются дети.

Котенок возится с клубком,
Играет море в постоянство...
И всякий ведал – за рулем —
Игру бездумную с пространством.

Играет с рифмами поэт,
И пена – по краям бокала...
А здесь, на спуске, разве след —
След от игры остался малый.

Между

Д. Философову

На лунном небе чернеют ветки...
Внизу чуть слышно шуршит поток.
А я качаюсь в воздушной сетке,
Земле и небу равно далек.

Внизу – страданье, вверху – забавы.
И боль, и радость – мне тяжелы.
Как дети, тучки тонки, кудрявы...
Как звери, люди жалки и злы.

Людей мне жалко, детей мне стыдно,
Здесь – не поверят, там – не поймут.
Внизу мне горько, вверху – обидно...
И вот я в сетке – ни там, ни тут.

Живите, люди! Играйте, детки!
На все, качаясь, твержу я «нет»...
Одно мне страшно: качаясь в сетке,
Как встречу теплый, земной рассвет?

А пар рассветный, живой и редкий,
Внизу рождаясь, встает, встает...
Ужель до солнца останусь в сетке?
Я знаю, солнце – меня сожжет.

1905

«Мешается, сливается...»

Мешается, сливается
Действительность и сон,
Все ниже опускается
Зловещий небосклон —

И я иду и падаю,
Покорствуя судьбе,
С неведомой отрадою
И мыслью – о тебе.

Люблю недостижимое,
Чего, быть может, нет...
Дитя мое любимое,
Единственный мой свет!

Твое дыханье нежное
Я чувствую во сне,
И покрывало снежное
Легко и сладко мне.

Я знаю, близко вечное,
Я слышу, стынет кровь...
Молчанье бесконечное...
И сумрак... И любовь.

1889

Надпись на книге

Мне мило отвлеченное:
Им жизнь я создаю...
Я все уединенное,
Неявное люблю.

Я – раб моих таинственных,
Необычайных снов...
Но для речей единственных
Не знаю здешних слов...

1896

Она

В своей бессовестной и жалкой низости,
Она как пыль сера, как прах земной.
И умираю я от этой близости,
От неразрывности ее со мной.

Она шершавая, она колючая,
Она холодная, она змея.
Меня изранила противно – жгучая
Ее коленчатая чешуя.

О, если б острое почуял жало я!
Неповоротлива, тупа, тиха.
Такая тяжкая, такая вялая,
И нет к ней доступа – она глуха.

Своими кольцами она, упорная,
Ко мне ласкается, меня душа.
И эта мертвая, и эта черная,
И эта страшная – моя душа!

1905

Цветы ночи

О, ночному часу не верьте!
Он исполнен злой красоты.
В этот час люди близки к смерти,
Только странно живы цветы.

Темны, теплы тихие стены,
И давно камин без огня...
И я жду от цветов измены, —
Ненавидят цветы меня.

Среди них мне жарко, тревожно,
Аромат их душен и смел, —
Но уйти от них невозможно,
Но нельзя избежать их стрел.

Свет вечерний лучи бросает
Сквозь кровавый шелк на листья...
Тело нежное оживает,
Пробудились злые цветы.

С ядовитого арума мерно
Капли падают на ковер...
Все таинственно, все неверно...
И мне тихий чудится спор.
Шелестят, шевелятся, дышат,
Как враги, за мною следят.
Все, что думаю, — знают, слышат
И меня отравить хотят.

О, часу ночному не верьте!
Берегитесь злой красоты.
В этот час мы все ближе к смерти,
Только живы одни цветы.

1894

Часы стоят

Часы остановились. Движенья больше нет.
Стоит, не разгораясь, за окнами рассвет.

На скатерти холодной наубранный прибор,
Как саван белый, складки свисают на ковер.

И в лампе не мерцает блестящая дуга...
Я слушаю молчанье, как слушают врага.

Ничто не изменилось, ничто не отошло;
Но вдруг отяжелело, само в себе вросло.

Ничто не изменилось, с тех пор как умер звук.
Но точно где – то властно сомкнули тайный круг.

И все, чем мы за краткость, за легкость дорожим, —
Вдруг сделалось бессмертным, и вечным – и чужим.

Застыло, каменея, как тело мертвеца...
Стремленье – но без воли. Конец – но без конца.

И вечности безглазой беззвучен строй и лад.
Остановилось время. Часы, часы стоят!

Счастье

Есть счастье у нас, поверьте,
И всем дано его знать.
В том счастье, что мы о смерти
Умеем вдруг забывать.
Не разумом, ложно – смелым.
(Пусть знает, – твердит свое),
Но чувственно, кровью, телом
Не помним мы про нее.

О, счастье так хрупко, тонко:
Вот слово, будто меж строк;
Глаза больного ребенка;
Увядший в воде цветок, —
И кто – то шепчет: «Довольно!»
И вновь отравлена кровь,
И ропщет в сердце безвольном
Обманутая любовь.

Нет, лучше б из нас на свете
И не было никого.
Только бы звери, да дети,
Не знающие ничего.

Весна 1933

Любовь – одна

Единый раз вскипает пеной
И рассыпается волна.
Не может сердце жить изменой,
Измены нет: любовь – Одна.

Мы негодуем, иль играем,
Иль лжем – но в сердце тишина.
Мы никогда не изменяем:
Душа одна – любовь одна.

Однообразно и пустынно
Однообразием сильна
Проходит жизнь... И в жизни длинной
Любовь одна, всегда одна.

Лишь в неизменном – бесконечность,
Лишь в постоянном глубина.
И дальше путь, и ближе вечность,
И все ясней: любовь одна.

Любви мы платим нашей кровью,
Но верная душа – верна,
И любим мы одной любовью...
Любовь одна, как смерть одна.

1896

Михаил Зенкевич

Человек

К светилам в безрассудной вере
Все мнишь ты богом возойти,
Забыв, что темным нюхом звери
Провидят светлые пути.

И мудр слизняк, в спираль согнутый,
Остры без век глаза гадюк,
И в круг серебряный замкнутый,
Как много тайн плетет паук!

И разлагают свет растенья,
И чует сумрак червь в норе...
А ты – лишь силой тяготенья
Привязан к стынущей коре.

Но бойся дня слепого гнева:
Природа первенца сметет,
Как недоношенный из чрева
Кровавый безобразный плод.

И повелитель Вавилона,
По воле Бога одичав,
На кряжах выжженного склона
Питался соком горьких трав.

Стихии куй в калильном жаре,
Но духом, гордый царь, смирись
И у последней слизкой твари
Прозренью темному учись!

Камни

Меж хребтов крутых плоскогорий
Солнцем пригретая щель
На вашем невзрачном просторе
Нам была золотая купель.

Когда мы – твари лесные —
Пресмыкались во прахе ползком,
Ваши сосцы ледяные
Нас вскормили своим молоком.

И сумрачный дух звериный,
Просветленный крепким кремнем,
Научился упругую глину
Обжигать упорным огнем.

Стада и нас вы сплотили
В одну кочевую орду
И оползем в жесткой жиле
Обнажили цветную руду.

Вспоен студеным потоком,
По расщелинам сползшим вниз,
Без плуга в болоте широком
Золотился зеленый рис.
И вытянув голые ноги,
С жиром от жертв на губах,
Торчали гранитные боги,
Иссеченные медью в горах.

Но бежав с родных плоскогорий,
По пустыням прогнав стада,
В сырых низинах у взморий
Мы воздвигли из вас города.

И рушены древние связи,
И, когда вам лежать надоест,
Искрошив цементные мази,
Вы сползете с исчисленных мест.

И сыпясь щебнем тяжелым,
Черные щели жерла
Засверкают алмазным разломом
Золота, стали, стекла.

1910

Ящеры

О ящеры – гиганты, не бесследно
Вы – детища подводной темноты —
По отмелям, сверкая кожей медной,
Проволокли громоздкие хвосты!

Истлело семя, скрытое в скорлупы
Чудовищных, таинственных яиц, —
Набальзамированы ваши трупы
Под жирным илом царственных гробниц.

И ваших тел мне святы превращения:
Они меня на гребень вознесли,
И мне владеть, как первенцу творенья,
Просторами и силами земли.

Я зверь, лишенный и когтей и шерсти,
Но радугой разумною проник
В мой рыхлый мозг сквозь студень двух отверстий
Пурпурных солнц тяжеловесный сдвиг.

А все затем, чтоб пламенем священным
Я просветил свой древний, темный дух
И на костре пред Богом сокровенным,
Как царь последний, радостно потух;

Чтоб пред Его всегда багряным тронем
Как теплый пар, легко поднявшись ввысь,
Подобно раскаленным электронам,
Мои частицы в золоте неслись.

«Всему – весы, число и мера...»

Всему – весы, число и мера,
И бег спиралью всему,
И растекается во тьму
За пламенную сферой сфера.

Твой лик в душе – как в меди – выбит,
И пусть твой ток сметет ее
И солнце в алой пене вздыбит, —
Но царство взвешено твое!

В длину растянется орбита,
И кругом изогнется ось,
Чтоб пламя вольно и открыто,
По всем эфирам разлилось.

Струить металл не будет время,
Пространство перестанет течь
И уж не сможет в блюде семя
Прах мертвый тайнами облечь.

И выход рабьему бессилью
Из марев двух магнитных смен
Раскинет радужною пылью
Вселенная свой легкий тлен.

«Подсолнух поздний догорал в полях...»

Подсолнух поздний догорал в полях,
И, вкрапленный в сапфировых глубинах,
На легком зное нежился размах
Поблескивавших крыльев ястребиных.

Кладя пределы смертному хотенью,
Казалось, то сама судьба плыла
За нами по жнивью незримой тенью
От высоко скользящего крыла.

Как этот полдень, пышности и лени
Исполнена, ты шла, смиряя зной.
Лишь платье билось пеной кружевной
О гордые и статные колени.

Да там, в глазах, под светлой оболочкой,
На обреченного готовясь пасть,
Средь синевы темнела знойной точкой,
Поблескивая, словно ястреб, страсть.

1916

«И нас – два колоса несжатых...»

И нас – два колоса несжатых —
Смогла на миг соединить
В степи на выжженных раскатах
Осенней паутины нить.

И мы – два пышных пустоцвета —
Следили вместе, как вдали
Средь бледно – золотого света
Чернели клином журавли...

Но к ночи кочевая связь,
Блеснув над коноплей, бурьяном,
С межи заглохшей поднялась
В огне ненастливо – багряном.

И страшен нам раскат пустынный,
И не забыть нам никогда,
Как робко нитью паутинной
Ласкала стебель наш слюда.

1911

Вячеслав Иванов

Медный всадник

В этой призрачной Пальмире,
В этом мареве полярном,
О, пребудь с поэтом в мире
Ты, над взморьем светозарным

Мне являвшаяся дивной
Ариадной, с кубком рьяным,
С флейтой буйно – заунывной
Иль с узывчивым тимпаном, —

Там, где в гроздьях, там, где в гимнах
Рдеют Вакховы экстазы...
В тусклый час, как в тучах дымных
Тлеют мутные топазы,

Закружись стихийной пляской
С предзакатным листопадом
И под сумеречной маской
Пой, подобная менадам!

В желто – серой рысьей шкуре,
Увенчавшись хвоей ельной,
Вихревейной взвейся бурей,
Взвейся вьюгой огнехмельной!..

Ты стоишь, на грудь склоняя
Лик духовный – лик страдальный,
Обрывая и роняя
В тень и мглу рукой печальной

Лепестки прощальной розы, —
И в туманные волокна,
Как сквозь ангельские слезы,
Просквозили розой окна —

И потухли... Всё смешилось,
Погасилось в волнах сизых...
Вот – и ты преобразилась
Медленно... В убогих ризах

Мнишься ты в ночи Сивиллой...
Что, седая, ты бормочешь?

Ты грозишь ли мне могилой?
Или миру смерть пророчишь?

Приложила перст молчанья
Ты к устам – и я, сквозь шепот,
Слышу медного скаканья
Заглушенный тяжкий топот...

Замирая, кликом бледным
Кличу я: «Мне страшно, дева,
В этом мороке победном
Медно – скачущего Гнева»...

А Сивилла: «Чу, как тупо
Ударяет медь о плиты...
То о трупы, трупы, трупы
Спотыкаются копыта»...

Светлячок

Душно в комнате; не спится;
Думы праздно бьют тревогу.
Сонной влагой окропиться
Вежды жаркие не могут.
Сумраком не усыпленный,
Взор вперяется во мглу.
Что забрезжило в углу
Зорькой трепетно – зеленой?

Дух – волшебник ночи южной,
Светлячок к окну прильнул,
Словно в дом из тьмы наружной
Гость с лампадой заглянул;
Словно спутник снов бесплотный,
Миг свиданья упреждая,
Подал знак душе дремотной
Упорхнуть в дубравы рая.

Утро

Неутомный голод темный,
Горе, сердцу как избыть?
Сквозь ресницы ели дремной
Светит ласковая нить.

Сердце, где твой сон безбрежии?
Сердце, где тоска неволь?
Над озерной зыбью свежей
Дышит утренняя смоль.

Снова в твой сосуд кристальный
Животворный брызжет ключ:
Ты ль впустило в мрак страдальный,
В скит затворный гордый луч?

Или здесь – преодоление,
И твой сильный, смольный хмель —
Утоление, и целенье,
И достигнутая цель?..

Чу, склонился бог целебный,
Огневейный бог за мной, —
Очи мне застлал волшебной,
Златоструйной пеленой.

Нет в истомной неге мочи
Оглянуться; духа нет
Встретить пламенные очи
И постигнуть их завет...

Пора сказать: я выпил жизнь до дна,
Что пенилась улыбками в кристалле;
И ты стоишь в пустом и гулком зале,
Где сто зеркал, и в темных ста – одна.

Иным вином душа моя хмельна.
Дворец в огнях, и пир еще в начале;
Моих гостей – в вуали и в забрале —
Невидим лик и поступь не слышна.

Я буду пить, и томное похмелье
Не на земле завтра ждет меня,
А в храмовом прохладном подземелье.

Я буду петь, из тонкого огня

И звездных слез свивая ожерелье —
Мой дар тебе для свадебного дня.

«Пора сказать: я выпил жизнь до дна...»

Пора сказать: я выпил жизнь до дна,
Что пенилась улыбками в кристалле;
И ты стоишь в пустом и гулком зале,
Где сто зеркал, и в темных ста – одна.

Иным вином душа моя хмельна.
Дворец в огнях, и пир еще в начале;
Моих гостей – в вуали и в забрале —
Невидим лик и поступь не слышна.

Я буду пить, и томное похмелье
Не на земле завтра ждет меня,
А в храмовом прохладном подземелье.

Я буду петь, из тонкого огня
И звездных слез свивая ожерелье —
Мой дар тебе для свадебного дня.

Ностальгия

Подруга, – тонут дни! Где ожерелье
Сафирных тех, тех аметистных гор?
Прекрасное немило новоселье.
Гимн отзвучал; зачем увенчан хор?..

О, розы пены в пляске нежных ор!
За пиром муз в пустынной нашей келье —
Близ волн морских вечернее похмелье!
Далеких волн опаловый простор!..

И горних роз воскресшая победа!
И ты, звезда зари! ты, рдяный град —
Парений даль, маяк золотого бреда!

О, свет любви, ему же нет преград,
И в лоно жизни зрящая беседа,
Как лунный луч в подводный бледный сад!

Любовь

Мы – два грозой зажженные ствола,
Два пламени полуночного бора;
Мы – два в ночи летящих метеора,
Одной судьбы двужалая стрела.

Мы – два коня, чьи держит удила
Одна рука, – одна язвит их шпора;
Два ока мы единственного взора,
Мечты одной два трепетных крыла.

Мы – двух теней скорбящая чета
Над мрамором божественного гроба,
Где древняя почитет Красота.

Единых тайн двугласные уста,
Себе самим мы Сфинкс единый оба.
Мы – две руки единого креста.

Осень

Что лист упавший – дар червонный;
Что взгляд окрест – багряный стих...
А над парчою похоронной
Так облик смерти ясно – тих.

Так в золотой пыли заката
Отрадно изнывает даль;
И гор согласных так крылата
Голуботусклая печаль.

И месяц белый расцветает
На тверди призрачной – так чист!..
И, как молитва, отлетает
С немых дерев горящий лист...

Георгий Иванов

«В ветвях олеандровых трель соловья...»

В ветвях олеандровых трель соловья.
Калитка захлопнулась с жалобным стуком.
Луна закатилась за тучи. А я
Кончаю земное хождение по мукам,

Хождение по мукам, что видел во сне —
С изгнанием, любовью к тебе и грехами.
Но я не забыл, что обещано мне
Воскреснуть. Вернуться в Россию – стихами.

«Из облака, из пены розовой...»

Из облака, из пены розовой,
Зеленой кровью чуть оживлены,
Сады неведомого халифата
Виднеются в сиянии луны.

Там меланхолия, весна, прохлада
И ускользящее серебро.
Все очертания такого сада —
Как будто страусовое перо.

Там очарованная одалиска
Играет жемчугом издалика,
И в башню к узнику скользит записка
Из клюва розового голубка.

Я слышу слабое благоуханье
Прозрачных зарослей и цветников,
И легкой музыки летит дыханье
Ко мне, таинственное, с облаков.

Но это длится только миг единый:
Вот снова комнатная тишина,
В горошину кисейные гардины
И Каменноостровская луна.

«Как всё бесцветно, всё безвкусно...»

Как всё бесцветно, всё безвкусно,
Мертво внутри, смешно извне,
Как мне невыразимо грустно,
Как тошнотворно скучно мне...

Зевая сам от этой темы,
Её меняю на ходу.

– Смотри, как пышны хризантемы
В сожжённом осенью саду —
Как будто лермонтовский Демон
Грустит в оранжевом аду,
Как будто вспоминает Врубель
Обрывки творческого сна
И царственно идёт на убыль
Лиловой музыки волна...

«Легкий месяц блеснет над крестами

Легкий месяц блеснет над крестами забытых могил,
Томный луч озарит разрушенья унылую грудь,
Теплый ветер вздохнет: я травую и облаком был,
Человеческим сердцем я тоже когда-нибудь буду.

Ты влюблен, ты грустишь, ты томишься в прохладе ночной,
Ты подругу зовешь, ты Ириной ее называешь,
Но настанет пора, и над нашей кудрявой землей
Пролетишь, и не взглянешь, и этих полей не узнаешь.

А любовь – семицветною радугой станет она,
Кукованьем кукушки, иль камнем, иль веткою дуба,
И другие влюбленные будут стоять у окна
И другие, в мучительной нежности, сблизятся губы...

Теплый ветер вздыхает, деревья шумят у ручья,
Легкий серп отражается в зеркале северной ночи,
И, как ризу Господню, целую я платя края,
И колени, и губы, и эти зеленые очи.

«Мелодия становится цветком...»

Мелодия становится цветком,
Он распускается и осыпается,
Он делается ветром и песком,
Летящим на огонь весенним мотыльком,
Ветвями ивы в воду опускается...

Проходит тысяча мгновенных лет
И перевоплощается мелодия
В тяжелый взгляд, в сиянье эполет,
В рейтузы, в ментик, в «Ваше благородие»
В корнета гвардии – о, почему бы нет?..

Туман... Тамань... Пустыня внемлет Богу.
– Как далеко до завтрашнего дня!..

И Лермонтов один выходит на дорогу,
Серебряными шпорами звеня.

«Оттого и томит меня шорох травы...»

Оттого и томит меня шорох травы,
Что трава пожелтеет и роза увянет,
Что твое драгоценное тело, увы,
Полевыми цветами и глиною станет.

Даже память исчезнет о нас... И тогда
Оживет под искусными пальцами глина
И впервые плеснет ключевая вода
В золотое, широкое горло кувшина.

И другую, быть может, обнимет другой
На закате, в условленный час, у колодца...
И с плеча обнаженного прах дорогой
Соскользнет и, звеня, на куски разобьется.

«Охотник веселый прицелится...»

Охотник веселый прицелится,
И падает птица к ногам.
И дым исчезающий стелется
По выцветшим низким лугам.

Заря розовеет болотная,
И в синем дыму, не спеша,
Уносится в небо бесплотная,
Бездомная птичья душа.

А что в человеческой участи
Прекраснее участи птиц,
Помимо холодной певучести
Немногих заветных страниц?

«Распыленный миллионом...»

И. Одоевцовой

Распыленный миллионом
мельчайших частиц,
В ледяном, безвоздушном,
бездушном эфире,
Где ни солнца, ни звезд,
ни деревьев, ни птиц,
Я вернусь – отраженьем —
в потерянном мире.
И опять, в романтическом Летнем
Саду,
В голубой белизне петербургского
мая,
По пустынным аллеям неслышно
пройду,
Драгоценные плечи твои обнимая.

«Это только синий ладан...»

Это только синий ладан,
Это только сон во сне,
Звезды над пустынным садом,
Розы на твоём окне.

Это то, что в мире этом
Называется весной,
Тишиной, прохладным светом
Над прохладной глубиной.

Взмахи черных весел шире,
Чище сумрак голубой...
Это то, что в этом мире
Называется судьбой.

Я тебя не вспоминаю,
Для чего мне вспоминать?
Это только то, что знаю,
Только то, что можно знать.

«Край земли. Полоска дыма...»

Край земли. Полоска дыма
Тянет в небо, не спеша.
Одинока, нелюдима
Вьется ласточкой душа.

Край земли. За синим краем
Вечности пустая гладь.
То, чего мы не узнаем,
То, чего не нужно знать.

Если я скажу, что знаю,
Ты согласишься. Я солгу.
Я тебя не вспоминаю,
Не хочу и не могу.

Но люблю тебя, как прежде,
Может быть, еще нежней,
Бессердечней, безнадежней
В пустоте, в тумане дней.

«Эмалевый крестик в петлице...»

Эмалевый крестик в петлице
И серой тужурки сукно...
Какие печальные лица
И как это было давно.

Какие прекрасные лица
И как безнадежно бледны —
Наследник, императрица,
Четыре великих княжны...

<1949>

Николай Клюев

«Есть на свете край обширный...»

Есть на свете край обширный,
Где растут сосна да ель,
Неисследный и пустынный, —
Русской скорби колыбель.

В этом крае тьмы и горя
Есть забытая тюрьма,
Как скала на глади моря,
Неподвижна и нема.

За оградой высокой
Из гранитных серых плит,
Пташкой пленной, одинокой
В башне девушка сидит.

Злой кручиною объята,
Все томится, воли ждет,
От рассвета до заката,
День за днем, за годом год.

Но крепки дверей запоры,
Недоступно – страшен свод,
Сказки дикого простора
В каземат не донесет.
Только ветер перепевный
Шепчет ей издалека:
«Не томись, моя царевна,
Радость светлая близка.

За чертой зари туманной,
В ослепительной броне,
Мчится витязь долгожданный
На вспененном скакуне».

«Мне сказали, что ты умерла...»

Мне сказали, что ты умерла
Заодно с золотым листопадом
И теперь, лучезарно светла,
Правишь горным, неведомым градом.

Я нездешним забыться готов,
Ты всегда баснословной казалась
И багрянцем осенних листов
Не однажды со мной любовалась.

Говорят, что не стало тебя,
Но любви иссякаемы ль струи:
Разве зори – не ласка твоя,
И лучи – не твои поцелуи?

«Я люблю цыганские кочевья...»

Я люблю цыганские кочевья,
Свист костра и ржанье жеребят,
Под луной как призраки деревья
И ночной железный листопад.

Я люблю кладбищенской сторожки
Нежилой, пугающий уют,
Дальний звон и с крестиками ложки,
В чьей резьбе заклęcia живут.

Зорькой тишь, гармонику в потемки,
Дым овина, в росах коноплю...
Подивятся дальние потомки
Моему безбрежному «люблю».

Что до них? Улыбчивые очи
Ловят сказки теми и лучей...
Я люблю остожья, грай сорочий,
Близь и дали, рошу и ручей.

«Певучей думой обуя...»

Певучей думой обуян,
Дремлю под жесткою дерюгой.
Я – королевич Еруслан
В пути за пленницей – подругой.

Мой конь под алым чепраком,
На мне серебряные латы...
А мать жужжит веретеном
В луче осеннего заката.

Смежают сумерки глаза,
На лихо жалуется прялка...
Дымится омут, спит лоза,
В осоке девушка – русалка.

Она поет, манит на дно
От неги ярого избытка...
Замри, судьбы веретено,
Порвись, тоскующая нитка!

<1912>

Старуха

Сын обижает, невестка не слушает,
Хлебным куском да бездельем корит;
Чую – на кладбище колокол ухает,
Ладаном тянет от вешних раки.

Вышла я в поле, седая, горбатая, —
Нива без прясла, кругом сирота...
Свесила верба сережки мохнатые,
Меда душистей, белее холста.

Верба – невеста, молодка пригожая,
Зеленю – платом не засти зари!
Аль с алоцветной красою не схожа я —
Косы желтее, чем бус янтари.

Ал сарафан с расписной оторочкою,
Белый рукав и плясун – башмачок...
Хворым младенчиком, всхлипнув над кочкою,
Звон оголосил пролесок и лог.

Схожа я с мшистой, заплаканной ивою,
Мне ли крутиться в янтарь – бахрому...
Зой – невидимка узывней, дремливей,
Белые вербы в кадильном дыму.

<1912>

«Любви начало было летом...»

Любви начало было летом,
Конец – осенним сентябрем.
Ты подошла ко мне с приветом
В наряде девичьи простом.

Вручила красное яичко
Как символ крови и любви:
Не торопись на север, птичка,
Весну на юге обожди!

Синеют дымно перелески,
Настороженны и немые,
За узорочьем занавески
Не видно тающей зимы.

Но сердце чует: есть туманы,
Движенья смутное лесов,
Неотвратимые обманы
Лилово – сизых вечеров.

О, не лети в туманы пташкой!
Года уйдут в седую мглу —
Ты будешь нищею монашкой
Стоять на паперти в углу.

И, может быть, пройду я мимо,
Такой же нищий и худой...
О, дай мне крылья херувима
Лететь незримо за тобой!

Не обойти тебя приветом,
И не раскаться потом...
Любви начало было летом,
Конец – осенним сентябрем.

Осинушка

Ах, кому судьбинушка
Ворожит беду.
Горькая осинушка
Ронит лист – руду.

Полымем разубрана,
Вся красным – красна,
Может быть, подрублена
Топором она.

Может, червоточина
Гложет сердце ей,
Черная проточина
Вьелась меж корней.

Облака по просини
Крутятся в кольцо,
От судины – осени
Вянет деревцо.

Ой, заря – осинушка,
Златоцветный лёт,
У тебя детинушка
Разума займет!
Чтобы сны стожарные
В явь оборотить,
Думы – листья зарные
По ветру пустить.

1908, 1912

Михаил Кузмин

««Люблю», – сказал я не любя...»

«Люблю», сказал я не любя —
Вдруг прилетел Амур крылатый
И, руку взявши, как вожатый,
Меня повлек вослед тебя.

С прозревших глаз сметая сон
Любви минувшей и забытой,
На светлый луг, росой омытый,
Меня нежданно вывел он.

Чудесен утренний обман:
Я вижу странно, прозревая,
Как алость нежно – заревая
Румянит смутно зыбкий стан;

Я вижу чуть открытый рот,
Я вижу краску щек стыдливых
И взгляд очей еще сонливых
И шеи тонкой поворот.

Ручей журчит мне новый сон,
Я жадно пью струи живые —
И снова я люблю впервые,
Навеки снова я влюблен!
1907

Утро

Звезды побледнели,
небо на востоке зеленеет,
ветер поднялся,
скоро заря засветит.
Как легко дышать
после долгой ночи,
после душных горниц,
после чада свечей заплывших!
Пенье доносится снизу,
с кровли виден город,
все спит, все тихо,
только ветер в саду пробегает.
Как лицо твое бледно
в свете звезд побледневших,
в свете зари нерожденной,
в свете грядущего солнца!

1907

«В последний раз зову тебя, любовь...» Сонет

В последний раз зову тебя, любовь,
Слабеют силы в горестном усилье...
Едва расправлю радостные крылья,
Взбунтуется непокоренной кровь...

Ответь мне «да», – молю, не прекословь.
Лишь для тебя прошел десятки миль я.
О, связки милые, о, сухожилья,
Двойные звезды глаз, ресницы, бровь.

Кольцо дано не на день, а навеки.
Никто другой, как я, тебя не звал,
Я вижу лишь тебя, закрывши веки...

Зачем прибой стремится свой шумный вал?
Едва домчавшись, он отпрянет снова,
Во всех скитаньях ты – моя основа...

31 марта 1912

«Я книгу предпочту природе...»

Я книгу предпочту природе,
Гравюру – тени вешних роц,
И мне шумит в весенней оде
Весенний, настоящий дождь.
Не потому, что это в моде,
Я книгу предпочту природе.

Какая скука в караване
Тащиться по степи сухой.
Не лучше ль, лежа на диване,
Прочсть Жюль Верна том – другой.
А так – я знаю уж заране,
Какая скука в караване.

Зевать над книгою немецкой,
Где тяжек, как картофель, Witz,
Где даже милый Ходовецкий
Тяжел и не живит страниц.
Что делать: уж привык я с детской
Зевать над книгою немецкой.

Милей проказливые музы,
Скаррона смех, тоска Алин, —
Где веселилися французы
И Лондон слал туманный сплин.
Что в жизни ждет? одни обузы,
Милей проказливые музы.

Не променял бы одного я
Ни на гравюру, ни на том —
Тех губ, что не дают покоя,
В лице прелестном и простом.
Пускай мне улыбнутся трое,
Не променял бы одного я.

Но ждать могу ли я ответа
От напечатанных листков,
Когда лишь повороты света
Я в них искать всегда готов,
Пускай мне нравится все это,
Но ждать могу ли я ответа?

Я выражу в последней коде,
Что без того понятно всем:
Я книги предпочту природе,

А вас хоть тысяче поэм.
Любовь (когда она не в моде?)
Поет в моей последней коде.

13 марта 1914

«Декабрь морозит в небе розовом...»

Декабрь морозит в небе розовом,
Нетопленный мрачнеет дом.
А мы, как Меншиков в Березове,
Читаем Библию и ждем.

И ждем чего? самим известно ли?
Какой спасительной руки?
Уж взбухнувшие пальцы треснули
И развалились башмаки.

Никто не говорит о Врангеле,
Тупые протекают дни.
На златокованном Архангеле
Лишь млеют сладостно огни.

Пошли нам крепкое терпение,
И кроткий дух, и легкий сон,
И милых книг святое чтение,
И неизменный небосклон!

Но если ангел скорбно склонится,
Заплавав: «Это навсегда!» —
Пусть упадет, как беззаконница,
Меня водившая звезда.

Нет, только в ссылке, только в ссылке мы,
О, бедная моя любовь.
Струями нежными, не пылками,
Родная согревает кровь,

Окрашивает щеки розово,
Не холоден минутный дом,
И мы, как Меншиков в Березове,
Читаем Библию и ждем.

8 декабря 1920

«Золотая Елена по лестнице...»

Золотая Елена по лестнице
Лебедем сходит вниз.
Парень, мнущий глину на задворках,
Менее смешон, чем Парис.

Тирские корабли разукрашены —
(Белугою пой, Гомер!)
Чухонские лайбы попросту
В розовой заводи шхер.

Слишком много мебели,
Шелухой обрастает дом.
Небесные полотеры шепотом
Поставили все вверх дном.

В ужасе сердце кружится...
Жарю, кипячу, варю...
Прямая дорога в Удельную,
Если правду заговорю.

Покойники, звери, ангелы,
Слушайте меня хоть вы!
Грошовыми сережками связаны,
Уши живых – мертвы.

Ноябрь 1926

«Если б ты был небесный ангел...»

Если б ты был небесный ангел,
Вместо смокинга носил бы ты стихарь
И орарь из парчи золотистой
Крестообразно опоясывал бы грудь.

Если б ты был небесный ангел,
Держал бы в руках цветок или кадилу
И за нежными плечами
Были б два крыла белоснежных.

Если б ты был небесный ангел,
Не пил бы ты vino Chianti,
Не говорил бы ты по – английски,
Не жил бы в вилле около Сан – Миньято.

Но твои бледные, впалые щеки,
Твои светлые, волнующие взоры,
Мягкие кудри, нежные губы
Были бы те же,
Даже если бы был ты небесный ангел.

1906

Бенедикт Лившиц

Эрос

Мы строго блюдем сокровенные заповеди —
Любовный завет:
Когда розовеет и гаснет на западе
Рубиновый свет,
Мы белыми парами всходим по очереди
На Башни Луны
И любим в святилищах девственной дочери
Немой вышины.
О, счастье вступить за черту завоеванного
Священного сна
И выпить фиал наслажденья любовного
До самого дна!
О, счастье: за ночь под серебряно – матовою
Эгидой луны
Не надо платить подневольною жатвою —
Как в царстве весны!
О, счастье: лишь прихотям Эроса отданные,
Мы можем – любя —
На каменном шаре, как камень бесплодные,
Сгореть для себя!

1909

Июль

В небе – бездыханные виолы,
На цветах – запекшаяся кровь:
О, июль, тревожный и тяжелый,
Как моя молчащая любовь!
Кто раздавит согнутым коленом
Пламенную голову быка?
И, презрев меня, ты реешь тленом,
Тонким воздыханием песка —
В строго – многоярусные строи
Зноем опаляемых святых, —
И за малым облаком перо, и
Светлый враг в покровах золотых!

1912

Александрийский театр

Когда минуешь летаргию
Благонамеренной стены,
Где латник угнетает व्यю
Ничтожествующей страны.

И северная Клеопатра
Уже на Невском, – как светло
Александрийского театра
Тебе откроется чело!

Но у подъезда глянет хмуро,
Настороженна и глуха,
Сырая площадь, как цезура
Александрийского стиха.

Быть может, память о набеге
Вчерашней творческой волны
Почует в ревностном ковчеге
Себялюбивой тишины.

И в черном сердце – вдохновенье,
И рост мятущейся реки,
И страшное прикосновенье
Прозрачной музиной руки, —
На тысячеголосом стогне
Камнеподобная мечта,
И ни одно звено не дрогнет
По – римски строгого хребта.

1 января 1915

Нева

Вольнолюбивая, доньне
Ты исповедуешь одну
И ту же истину, рабыней
В двухвековом не став плену.

Пусть нерушимые граниты
Твои сковали берега,
Но кони яростные взвиты
Туда, где полночь и пурга.

Пусть не забывший о героях
И всех коней наперечет
Запомнивший ответит, что их
В стремнину темную влечет?

Иль эти мчащиеся, все
Несбыточным соблазнены,
Умрут, как Петр, от поцелуя
Твоей предательской волны?

1916

«Как душно на рассвете века!..»

Как душно на рассвете века!
Как набухает грудь у муз!
Как страшно в голос человека
Облечь столетья мертвый груз!
И ты молчишь и медлишь, время,
Лениво кормишь лебедей
И падишахствуешь в гареме
С молодой затворницей своей.
Ты все еще в кагульских громах
И в сумраке масонских лож.
И ей внушаешь первый промах
И детских вдохновений дрожь.
Ну, что ж! Быть может, в мире целом
И впрямь вся жизнь возмущена
И будет ей водоразделом
Отечественная война;
Быть может, там, за аркой стройной,
И в самом деле пышет зной,
Когда мелькает в чаше хвойной
Стан лицедейки крепостной.
Но как изжить начало века?
Как негритянской крови груз
В поющий голос человека
Вложить в ответ на оклик муз?
И он в беспамятстве дерзает
На все, на тяги дикий крик,
И клювом лебеда терзает
Гиперборейский Леды лик.

1925

Предчувствие

Расплещутся долгие стены
И вдруг, отрезвившись от роз,
Крылатый и благословенный
Пленитель жемчужных стрекоз,

Я стану тяжелым и темным,
Каким ты не знала меня,
И не догадаюсь, о чем нам
Увядшее золото дня

Так тускло и медленно блещет,
И не догадаюсь, зачем
В густеющем воздухе резче
Над садом очертится шлем, —

И только в изгнанье поэта
Возникнет и ложе твое
И в розы печального лета
Архангел, струящий копье,

1912

Мирра Лохвицкая

«Если прихоти случайной...»

Если прихоти случайной
И мечтам преграды нет —
Розой бледной, розой чайной
Воплоти меня, поэт!

Двух оттенков сочетанье
Звонкой рифмой славословь:
Желтый – ревности страданье,
Нежно-розовый – любовь.

Вспомни блещущие слезы,
Полуночную росу,
Бледной розы, чайной розы
Сокровенную красу.

Тонкий, сладкий и пахучий
Аромат ее живой
В дивной музыке созвучий,
В строфах пламенных воспой.

И осветит луч победный
Вдохновенья твоего
Розы чайной, розы бледной
И тоску и торжество.

1896–1898

«Твои уста – два лепестка граната...»

Твои уста – два лепестка граната,
Но в них пчела услады не найдет.
Я жадно выпила когда-то
Их пряный хмель, их крепкий мед.

Твои ресницы – крылья черной ночи,
Но до утра их не смыкает сон.
Я заглянула в эти очи —
И в них мой образ отражен.

Твоя душа – восточная загадка.
В ней мир чудес, в ней сказка, но не ложь.
И весь ты – мой, весь без остатка,
Доколе дышишь и живешь.

1899

«Я не знаю, зачем упрекают меня...»

Я не знаю, зачем упрекают меня,
Что в созданных моих слишком много огня,
Что стремлюсь я навстречу живому лучу
И наветам унынья внимать не хочу.

Что блещу я царицей в нарядных стихах,
С диадемой на пышных моих волосах,
Что из рифм я себе ожерелье плету,
Что пою я любовь, что пою красоту.

Но бессмертья я смертью своей не куплю,
И для песен я звонкие песни люблю.
И безумью ничтожных мечтаний моих
Не изменит мой жгучий, мой женственный стих.

1898

Свет вечерний

Ты – мой свет вечерний,
Ты – мой свет прекрасный,
Тихое светило
Гаснущего дня.
Алый цвет меж терний,
Говор струй согласный,
Все, что есть и было
В жизни для меня.

Ты – со мной; – чаруя
Радостью живою
В рощах белых лилий
Тонет путь земной.
Без тебя – замру я
Скошенной травой,
Ласточкой без крылий,
Порванной струной.

С кем пойду на битву,
Если, черной тучей,
Грозный и безгласный
Встанет мрак ночной?
И творю молитву:
«Подожди, могучий,
О, мой свет прекрасный,
Догори – со мной!».

1902–1903

Анатолий Мариенгоф

«Ночь, как слеза, вытекла из огромного глаза...»

Ночь, как слеза, вытекла из огромного глаза
И на крыши сползла по ресницам.
Встала печаль, как Лазарь,
И побежала на улицы рыдать и виниться.
Кидалась на шеи – и все шарахались
И кричали: безумная!
И в барабанные перепонки вопами страха
Били, как в звенящие бубны.

1917

Тучелёт

Иннаф.

1.

Из черного ведра сентябрь льёт
Туманов тяжесть
И тяжесть вод,
Ах, тучелёта
Вечен звон
О неба жечь.

2.

Язык
Не вяжет в стих
Серебряное лыко,
Ломается перо – поэта верный посох.
Приди и боль разуй. Уйду босой.
Приди, чтоб увести.

3.

Благодарю за слепоту.
Любви игольчатая ветвь
Ты выхлестнула голубые яблоки.
Сладка мне темь закрытых зяблоко век,
Незрячие глаза легки.
Я за тобой иду.

4.

Рука младенческая радости
Спокойно крестит
Белый лоб.
Дай в веру верить.
То, что приплыло

Теряет всяческую меру.

Август 1920

«На каторгу пусть приведет нас дружба...»

Сергею Есеницу

На каторгу пусть приведет нас дружба,
Закованная в цепи песни.
О день серебряный,
Наполнив века жбан,
За край переплесни.

Меня всосут водопроводов рты,
Колодези рязанских сел – тебя.
Когда откроются ворота
Наших книг,
Певуче петли ритмов проскрипят.

И будет два пути для поколений:
Как табуны пройдут покорно строфы
По золотым следам Мариенгофа
И там, где, оседлав, как жеребенка, месяц,
Со свистом проскакал Есенин.

Март 1920

«Утихни, друг. Прохладен чай в стакане...»

Есенину

Утихни, друг. Прохладен чай в стакане.
Осыпалась заря, как августовский тополь.
Сегодня гребень в волосах —
Что распоясанные кони,
А завтра седина, как снеговая пыль.

Безлюбье и любовь истлели в очаге.
Лети по ветру стихотворный пепел!
Я голову – крылом балтийской чайки
На острые колени
Положу тебе.

На дне зрачков ритмическая мудрость —
Так якоря лежат
В оглохших водоемах,
Прохладный чай (и золотой, как мы)
Качает в облаках сентябрьское утро.

Ноябрь 1920

Дмитрий Мережковский

«Пощады я молю! Не мучь меня, Весна...»

Пощады я молю! Не мучь меня, Весна,
Не подходи ко мне с болезненною лаской
И сердца не буди от мертвенного сна
Своей младенческой, но трогательной сказкой.

Ты видишь, как я слаб, – о сжался надо мной!
Меня томит и жжет твой ветер благовонный.
Я дорого купил забвенье и покой, —
Оставь же их душе, страданьем утомленной...

1886

«В небе, зеленом, как лед...»

В небе, зеленом, как лед,
Вешние зори печальней.
Голос ли милый зовет?
Плачет ли колокол дальний?

В небе – предзвездная тень,
В сердце – вечерняя сладость.
Что это, ночь или день?
Что это, грусть или радость?

Тихих ли глаз твоих вновь,
Тихих ли звезд ожидаю?
Что это в сердце – любовь
Или молитва – не знаю.

<1909>

Голубое небо

Я людям чужд и мало верю
Я добродетели земной:
Иною мерой жизнь я мерю,
Иной, бесцельной красотой.

Я верю только в голубую
Недосягаемую твердь.
Всегда единую, простую
И непонятную, как смерть.

О, небо, дай мне быть прекрасным,
К земле сходящим с высоты,
И лучезарным, и бесстрастным,
И всеобъемлющим, как ты.

«Как наполняет храм благоуханье...»

Как наполняет храм благоуханье
Сожженных смол,
Так вересков наполнило дыханье
Вечерний дол,
И сладостно, как бред любви, жужжанье
Декабрьских пчел.

<1912>

Не-Джиоконде

И я пленялся ложью сладкою,
Где смешаны добро и зло;
И я Джиокондовой загадкою
Был соблазнен, – но то прошло;

Я всех обманов не – таинственность,
Тщету измен разоблачил;
Я не раздвоенность – единственность
И простоту благословил.

Люблю улыбку нелукавую
На целомудренных устах
И откровенность величавую
В полумладенческих очах.

Люблю бестрепетное мужество
В пожатие девственной руки
И незапятнанное дружество
Без угрызенья и тоски.

Я рад тому, что ложью зыбкою
Не будет ваше «нет» и «да».
И мне Джиокондовой улыбкою
Не улыбнетесь никогда.

1913

Одиночество в любви

Темнеет. В городе чужом
Друг против друга мы сидим,
В холодном сумраке ночном,
Страдаем оба и молчим.

И оба поняли давно,
Как речь бессильна и мертва:
Чем сердце бедное полно,
Того не выразят слова.

Не виноват никто ни в чем:
Кто гордость победить не мог,
Тот будет вечно одинок,
Кто любит, – должен быть рабом.

Стремясь к блаженству и добру,
Влача томительные дни,
Мы все – одни, всегда – одни:
Я жил один, один умру.

На стеклах бледного окна
Потух вечерний полусвет. —
Любить научит смерть одна
Все то, к чему возврата нет.

«Ослепительная снежность...»

Л. Н. В[ильки]ной

Ослепительная снежность,
Усыпительная нежность,
Безнадежность, безмятежность —
И бело, бело, бело.
Сердце бедное забыло
Всё, что будет, всё, что было,
Чем страдало, что любило —
Всё прошло, прошло, прошло.

Всё уснуло, замолчало,
Где конец и где начало,
Я не знаю, – укачало,
Сани легкие скользят,
И лечу, лечу без цели,
Как в гробу иль в колыбели,
Сплю, и ласковые ели
Сон мой чуткий сторожат.

Я молюсь или играю,
Я живу иль умираю,
Я не знаю, я не знаю,
Только тихо стынет кровь.
И бело, бело безбрежно,
Усыпительно и нежно,
Безмятежно, безнадежно,
Как последняя любовь!

10 января 1906, Иматра

Весеннее чувство

С улыбкою бесстрастия
Ты жизнь благослови:
Не нужно нам для счастья
Ни славы, ни любви,

Но почки благовонные
Нужны, – и небеса,
И дымкой опущенные
Прозрачные леса.

И пусть все будет молодо,
И зыбь волны, порой,
Как трепетное золото,
Сверкает чешуей.

Как в детстве, все невиданным
Покажется тогда
И снова неожиданным —
И небо, и вода,

Над первыми цветочками
Жужжанье первых пчел,
И с клейкими листочками
Березы тонкий ствол.
С младенчества любезное,
Нам дорого – пойми —
Одно лишь бесполезное,
Забытое людьми.

Вся мудрость в том, чтоб радостно
Во славу Богу петь.
Равно да будет сладостно
И жить, и умереть.

Софья Парнок

«Каждый вечер я молю...»

Каждый вечер я молю
Бога, чтобы ты мне снилась:
До того я полюбилась,
Что уж больше не люблю.

Каждый день себя вожу
Мимо опустелых комнат, —
Память сонную бужу,
Но она тебя не помнит...

И упрямо, вновь и вновь,
Я твое губами злыми
Тихо повторяю имя,
Чтобы пробудить любовь...

«Не хочу тебя сегодня...»

Не хочу тебя сегодня.
Пусть язык твой будет нем.
Память, суетная сводня,
Не своди меня ни с кем.

Не мани по темным тропкам,
По оставленным местам
К этим дерзким, этим робким
Зацелованным устам.

С вдохновеньем святотатцев
Сердце взрыла я до дна.
Из моих любовных святцев
Вырываю имена.

«Он ходит с женщиной в светлом...»

Он ходит с женщиной в светлом,
– Мне рассказали. —
Дом мой открыт всем ветрам,
Всем ветрам.

Они – любители музык —
В девять в курзале.
Стан ее плавный узок,
Так узок...

Я вижу: туманный берег,
В час повечерья,
Берег, холмы и вереск,
И вереск.

И рядом с широким фетром
Белые перья...
Сердце открыто ветрам,
Всем ветрам!

17 июня 1915

«Она беззаботна еще, она молода...»

Она беззаботна еще, она молода,
Еще не прорезались зубы у Страсти, —
Не водка, не спирт, но уже не вода,
А пенистое, озорное, певучее Асти.

Еще не умеешь бледнеть, когда подхожу,
Еще во весь глаз твой зрачок не расширен,
Но знаю, я в мыслях твоих ворожу
Сильнее, чем в ласковом Кашине или Кашире.

О, где же затерянный этот в садах городок
(Быть может, совсем не указан на карте?),
Куда убегает мечта со всех ног
В каком – то шестнадцатилетнем азарте?

Где домик с жасмином, и гостеприимная ночь,
И хмеля над нами кудрявые арки,
И жажда, которой уж нечем помочь,
И небо, и небо страстнее, чем небо Петрарки!

В канун последней иль предпоследней весны
– О, как запоздала она, наша встреча! —
Я вижу с тобой сумасшедшие сны,
В свирепом, в прекрасном пожаре сжигаю свой вечер!

26 декабря 1932

Седая роза

Ночь. И снег валится.
Спит Москва... А я...
Ох, как мне не спится,
Любовь моя!

Ох, как ночью душно
Запеваёт кровь...
Слушай, слушай, слушай!
Моя любовь:

Серебро мороза
В лепестках твоих.
О, седая роза,
Тебе – мой стих!

Дышишь из – под снега,
Роза декабря,
Неутешной негой
Меня дая.

Я пою и плачу,
Плачу и пою,
Плачу, что утрачу
Розу мою!

16–17 июня 1932

«Скажу ли вам: я вас люблю?»

Скажу ли вам: я вас люблю?
Нет, ваше сердце слишком зорко.
Ужель его я утолю
Любовною скороговоркой?

Не слово, – то, что перед ним:
Молчание минуты каждой,
Томи томленьем нас одним,
Единой нас измучай жаждой.

Увы, как сладостные «да»,
Как все «люблю вас» будут слабы,
Мой несравненный друг, когда
Скажу я, что сказать могла бы.

1915

«Смотрят снова глазами незрячими...»

Смотрят снова глазами незрячими
Мать Божья и Спаситель – Младенец.
Пахнет ладаном, маслом и воском.
Церковь тихими полнится плачами.
Тают свечи у юных смиренниц
В кулачке окоченелом и жестком.

Ах, от смерти моей уведи меня,
Ты, чьи руки загорелы и свежи,
Ты, что мимо прошла, раззадоря!
Не в твоём ли отчаянном имени
Ветер всех буревых побережий,
О, Марина, соименница моря!

5 августа 1915, Святые Горы

«Тоскую, как тоскуют звери...»

Тоскую, как тоскуют звери,
Тоскует каждый позвонок,
И сердце – как звонок у двери,
И кто – то дернул за звонок.

Дрожи, пустая дребезжалка,
Звони тревогу, дребезжи...
Пора на свалку! И не жалко
При жизни бросить эту жизнь...

Прощай и ты, Седая Муза,
Огонь моих прощальных дней,
Была ты музыкаю музык
Душе измученной моей!

Уж не склоняюсь к изголовью,
Твоих я вздохов не ловлю, —
И страшно молвить: ни любовью,
Ни ненавистью не люблю!

26 января 1933

«Ты помнишь коридорчик узенький...»

Ты помнишь коридорчик узенький
В кустах смородинных?..
С тех пор мечте ты стала музыкой,
Чудесной родиной.

Ты жизнью и смертью стала мне —
Такая хрупкая —
И ты истаяла, усталая,
Моя голубка!..

Прости, что я, как гость непрошенный,
Тебя не радую,
Что я сама под страстной ношею
Под этой падаю.

О, эта грусть неутолимая!
Ей нету имени...
Прости, что я люблю, любимая,
Прости, прости меня!

5 февраля 1933

«Этот вечер был тускло-палевый...»

Этот вечер был тускло – палевый, —
Для меня был огненный он.
Этим вечером, как пожелали Вы,
Мы вошли в театр «Унион».

Помню руки, от счастья слабые,
Жилки – веточки синевы.
Чтоб коснуться руки не могла бы я,
Натянули перчатки Вы.

Ах, опять подошли так близко Вы,
И опять свернули с пути!
Стало ясно мне: как ни подыскивай,
Слова верного не найти.

Я сказала: «Во мраке карие
И чужие Ваши глаза...»
Вальс тянулся и виды Швейцарии,
На горах турист и коза.

Улыбнулась, – Вы не ответили...
Человек не во всем ли прав!
И тихонько, чтоб Вы не заметили,
Я погладила Ваш рукав.

1935 (?)

Газэлы

Утишительница боли – твоя рука,
Белотелый цвет магнолий – твоя рука.

Зимним полднем постучалась ко мне любовь,
И держала мех соболий твоя рука.

Ах, как бабочка, на стебле руки моей
Погостила миг – не боле – твоя рука!

Но зажгла, что притушили враги и я,
И чего не побороли, твоя рука:

Всю неистовую нежность зажгла во мне,
О, царица своеволий, твоя рука!

Прямо на сердце легла мне (я не ропщу:
Сердце это не твое ли!) – твоя рука.

1915

Игорь Северянин

Маленькая элегия

Она на пальчиках привстала
И подарила губы мне.
Я целовал ее устало
В сырой осенней тишине.

И слезы капали беззвучно
В сырой осенней тишине.
Гас скучный день – и было скучно,
Как всё, что только не во сне.

Увертюра

Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Удивительно вкусно, искристо и остро!
Весь я в чем – то норвежском! Весь я в чем – то испанском!
Вдохновляюсь порывно! И берусь за перо!

Стрекот аэропланов! Беги автомобилей!
Ветропросвист экспрессов! Крылолёт буеров!
Кто – то здесь зацелован! Там кого – то побили!
Ананасы в шампанском – это пульс вечеров!

В группе девушек нервных, в остром обществе дамском
Я трагедию жизни претворю в грезофарс...
Ананасы в шампанском! Ананасы в шампанском!
Из Москвы – в Нагасаки! Из Нью – Йорка – на Марс!

Это было у моря **Поэма – миньонет**

Это было у моря, где ажурная пена,
Где встречается редко городской экипаж...
Королева играла – в башне замка – Шопена,
И, внимая Шопену, полюбил ее паж.

Было все очень просто, было все очень мило:
Королева просила перерезать гранат,
И дала половину, и пажа истомила,
И пажа полюбила, вся в мотивах сонат.

А потом отдавалась, отдавалась грозово,
До восхода рабыней проспала госпожа...
Это было у моря, где волна бирюзова,
Где ажурная пена и соната пажа.

«В парке плакала девочка...»

Всеволоду Светланову

В парке плакала девочка: «Посмотри – ка ты, папочка,
У хорошенькой ласточки переломлена лапочка, —
Я возьму птицу бедную и в платочек укутаю...»
И отец призадумался, потрясенный минутою,
И простил все грядущие и капризы и шалости
Милой маленькой дочери, зарыдавшей от жалости.

Классические розы

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!
Мятлев, 1843 г.

В те времена, когда роились грезы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слезы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут – уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

Странно

Мы живем, точно в сне неразгаданном,
На одной из удобных планет...
Много есть, чего вовсе не надо нам,
А того, что нам хочется, нет...

Мороженое из сирени

Мороженое из сирени! Мороженое из сирени!
Полпорции десять копеек, четыре копейки буше.
Сударышни, судари, надо ль? не дорого можно без прений...
Поешь деликатного, площадь: придется товар по душе!

Я сливочного не имею, фисташковое все распродал...
Ах, граждане, да неужели вы требуете крем – брюле?
Пора популяризировать изыски, утончиться вкусам народа,
На улицу специи кухонь, огимнив эксцесс в вирелэ!

Сирень – сладострастья эмблема. В лилово – изнеженном крене
Зальдись, водопадное сердце, в душистый и сладкий пушок...
Мороженое из сирени! Мороженое из сирени!
Эй, мальчик со сбитнем, попробуй! Ей – Богу, похвалишь,
дружок!

1912

В парке плакала девочка

Всеволоду Светланову

В парке плакала девочка: «Посмотри – ка ты, папочка,
У хорошенькой ласточки переломлена лапочка, —
Я возьму птицу бедную и в платочек укутаю»...
И отец призадумался, потрясенный минутою,
И простил все грядущие и капризы, и шалости
Милой, маленькой дочери, зарывавшей от жалости.

1910

Владимир Соловьёв

«Милый друг, иль ты не видишь...»

Милый друг, иль ты не видишь,
Что все видимое нами —
Только отблеск, только тени
От незримого очами?

Милый друг, иль ты не слышишь,
Что житейский шум трескучий —
Только отклик искаженный
Торжествующих созвучий?

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете —
Только то, что сердце сердцу
Говорит в немом привете?

1895

«Бедный друг! истомил тебя путь...»

Бедный друг! истомил тебя путь,
Темен взор, и венки твой измят,
Ты войди же ко мне отдохнуть.
Потускнел, дорогая, закат.

Где была и откуда идешь,
Бедный друг, не спрошу я любя;
Только имя мое назовешь —
Молча к сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царят на земле,
Ты владыками их не зови;
Все, кружась, исчезает во мгле,
Неподвижно лишь солнце любви.

1887

«Какой тяжелый сон!..»

Какой тяжелый сон! В толпе немых видений,
Теснящихся и реющих кругом,
Напрасно я ищу той благодатной тени,
Что тронула меня своим крылом.

Но только уступлю напору злых сомнений,
Глухой тоской и ужасом объят, —
Вновь чую над собой крыло незримой тени,
Ее слова по – прежнему звучат.

Какой тяжелый сон! Толпа немых видений
Растет, растет и заграждает путь,
И еле слышится далекий голос тени:
«Не верь мгновенному, люби и не забудь».

1886

На Сайме зимой

Вся ты закуталась шубой пушистой,
В сне безмятежном, затихнув, лежишь.
Веет не смертью здесь воздух лучистый,
Эта прозрачная, белая тишь.

В невозмутимом покое глубоком,
Нет, не напрасно тебя я искал.
Образ твой тот же пред внутренним оком,
Фей – владычица сосен и скал!

Ты непорочна, как снег за горами,
Ты многодумна, как зимняя ночь,
Вся ты в лучах, как полярное пламя,
Темного хаоса светлая дочь!

1894

Сергей Соловьёв

«Лазурью осени прощальной...»

Лазурью осени прощальной
Я озарен. Не шелехнут
Дубы. Застывший и зеркальный
Деревья отражает пруд.

Ложится утром легкий иней
На побледневшие поля.
Одною светлою пустыней
Простерлись воды и земля.

В лесу неслышно реют тени,
Скудея, льется луч скупой,
И радостен мой путь осенней
Пустынно блещущей тропой.

Элегия

Тебе, о нежная, не до моей цевницы.
Лишь одному теперь из – под густой ресницы

Сияет ласково твой темный, тихий взор,
Когда над нивами сверкает хлебозор,

И ночь исполнена тоской и вождельем.
Вчера, едва заря померкла над селеньем,

И месяц забелел из голубых глубин,
У ветхого плетня, в тени густых рябин,

Я вас подслушивал, ревнивый и печальный.
Мерцали молнии, и отзвук песни дальней

Томился, замирал. А я, боясьдохнуть,
Смотрел, как томно ты взволнованную грудь

Его лобзаниям и ласкам предавала,
Безмолвно таяла, томилась и пылала...

Как нежно пальцами его лицо брала,
Смотря ему в глаза. Какою ты была

Зараз и царственной, и страстной, и стыдливой.
Шептали юноши завистливо: «счастливый!»

И долго голос твой во мраке слышал я:
«Вот губы, плечи, грудь... целуй, твоя, твоя!»

1906–1909

«Коснись рукой до струн...»

Коснись рукой до струн, презренных светом,
Тебя одну когда – то певших струн.
Верни мне дни, когда я был поэтом,
Дай верить мне, что я, как прежде, юн.

Моей любви, взлелеянной годами,
– Ты видишь, видишь – мне скрывать невмочь..
Ах! где она, кипящая звездами,
Осенняя, сияющая ночь?

С небес звезда срывалась за звездою.
Мы шли вдвоем... ты руку мне дала...
А цветники дышали резедою,
И ночь была прозрачна и светла.

Сребрились под твердью голубою,
Деревья блеклые, не шелестя.
Я о любви не говорил с тобою...
Что говорить? Ведь ты была дитя.

Верни же мне те золотые грезы,
В твоих лучах я расцветаю вновь,
Ты вся – весна, ты вся – как запах розы,
Как старое вино – моя любовь.

Я пред тобой притворствовать не в силах,
Ты – так светла... О, если б я угас
У нежных ног невинных, милых, милых,
В сиянии любимых узких глаз.

Три видения

Смеялся май, синел, сверкал залив.
На берегу, в тени плакучих ив,
Увидел я беспечное дитя,
Играющее в мяч. Над ним, грустя,
Склонялась Муза, и ее рука
Держала лиру, лавр и терн венка.

И новый сон передо мной возник:
Клонился ветром плачущий тростник,
Летали в роще желтые листья...
И Муза мне сказала: «Видишь ты:
Старушка с отроком вокруг пруда
Идут, идут... не спрашивай, куда!»

Леса одеты в пурпур и огонь,
Заходит солнце. У колодца конь
Остановился с легким звоном шпор,
И девушка склонила томный взор,
На водоем поставивши ведро...
Вдали сверкнуло белое перо.

И Муза мне шепнула: «О дитя!
Богиня юности придет шутя,
Шутя уйдет. Ты всадника узнал?
Вином кипящий золотой фиал
Ты рано осушил. Придут ли вновь
И лира, и страданье, и любовь?»

Федор Сологуб

Всё, во всём

Если кто-нибудь страдает,
Если кто-нибудь жесток,
Если в полдень увядает
Зноем сгубленный цветок, —

В сердце болью отзовется
Их погибель и позор,
И страданием зажжется
Опечаленный мой взор:

Потому что нет иного
Бытия, как только я;
Радость счастья голубого
И печаль томленья злого,
Всё, во всём душа моя.

5 августа 1896

Ариадна

Где ты, моя Ариадна?
Где твой волшебный клубок?
Я в Лабиринте блуждаю,
Я без тебя изнемог.

Светоч мой гаснет, слабея,
Полон тревоги стою
И призываю на помощь
Мудрость и силу твою.

Много дорог здесь, но света
Нет и не видно пути.
Страшно и трудно в пустыне
Мраку навстречу идти.

Жертв преждевременных тени
Передо мною стоят.
Страшно зияют их раны,
Мрачно их очи горят.

Голос чудовища слышен
И заглушает их стон.
Мрака, безумного мрака
Требует радостно он.

Где ж ты, моя Ариадна?
Где путеводная нить?
Только она мне поможет
Дверь Лабиринта открыть.

7 ноября 1883

Ангел Благого Молчания

Грудь ли томится от зною,
Страшно ль смятение вьюг, —
Только бы ты был со мною,
Сладкий и радостный друг.

Ангел благого молчанья,
Тихий смиритель страстей,
Нет ни венца, ни сиянья
Над головою твоей.

Кротко потуплены очи,
Стан твой окутала мгла,
Тонкою влагою ночи
Веют два легких крыла.

Реешь над дольным пределом
Ты без меча, без луча, —
Только на поясе белом
Два золотые ключа.

Друг неизменный и нежный,
Тенью прохладною крыл
Век мой безумно – мятежный
Ты от толпы заслонил.

В тяжкие дни утомленья.
В ночи бессильных тревог
Ты отклонил помышленья
От недоступных дорог.

2–3 декабря 1900

Чёртовы качели

В тени косматой ели,
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатою рукой.

Качает и смеется,
 Вперед, назад,
 Вперед, назад,
Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Натянутый канат.

Снует с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И черт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
 Вперед, назад,
 Вперед, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От черта томный взгляд.

Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
– Попался на качели,
Качайся, черт с тобой! —

В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
– Попался на качели,
Качайся, черт с тобой! —

Я знаю, черт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозный взмах руки,

Пока не перетрется,
Крутясь, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.

Взлечу я выше ели,

И лбом о землю трах!
Качай же, черт, качели,
Все выше, выше... ах!

14 июня 1907

«Призрак ели с призраком луны...»

Призрак ели с призраком луны
Тихо ткут меж небом и землею сны.

Призрак хаты с призраком реки
Чуть мерцающие зыблют огоньки.

А над тихо ткущимися снами,
И над тихо зыблемыми огоньками,

И над призраками бедных хат
Ночь разворачивает чародейный плат,

Опрокидывает чародейный щит,
И о свете незакатном ворожит.

1 октября 1916

«Чиста любовь моя...»

Чиста любовь моя,
 Как ясных звезд мерцанье,
Как плеск нагорного ручья,
Как белых роз благоуханье.

 Люблю одну тебя,
 Неведомая дева,
Невинной страсти не губя
Позором ревности и гнева.

 И знаю я, что здесь
 Не быть с тобою встрече:
Твоя украшенная весь
От здешних темных мест далече.

 А мой удел земной —
 В томленьях и скитаньях,
И только нежный голос твой
Ко мне доносится в мечтаньях.

29 сентября 1898

«Прохладная забава...»

Прохладная забава, —
Скамейка челнока,
Зеленая дубрава,
Веселая река.

В простой наряд одета,
Сидишь ты у руля,
Ликующее лето
Улыбкою хваля.

Я тихо подымаю
Два легкие весла.
Твои мечты я знаю, —
Душа твоя светла.

Ты слышишь в лепетаньи
Прозрачных, тихих струй
Безгрешное мечтанье.
Невинный поцелуй.

15 августа 1901

«Румяным утром Лиза, весела...»

Румяным утром Лиза, весела,
Проснувшись рано, в лес одна пошла.
Услышав пенье пташек по кустам,
Искала гнёзд она и здесь и там,

И что же взор прекрасной подстерёг?
То был Амур, любви крылатый бог.
Она дрожит, в огне жестоком кровь,
Лицо горит, и к сердцу льнёт любовь.

Корсаж Амуру сделавши тюрьмой,
Она несёт его к себе домой,
И говорит отцу, едва дыша:
— Смотри, отец, как птичка хороша! —

Ждала улыбки Лиза от отца.
Отец ворчит: — Узнал я молодца! —
Амуру крылья в миг обрезал он,
И в клетке бог, попался в злой полон.

20 апреля 1921

Константин Фофанов

«Вселенная во мне...»

Вселенная во мне, и я в душе вселенной.
Сроднило с ней меня рождение мое.
В душе моей горит огонь ее священный,
А в ней всегда мое разлито бытие.

Благословляет нас великая природа,
Раскидывая свой узорчатый покров,
Приветствуя от вод до шири небосвода
Сияньем алых зорь, дыханием цветов.

Покуда я живу, вселенная сияет,
Умру – со мной умрет безстрепетно она;
Мой дух ее живит, живит и согревает,
И без него она ничтожна и темна.

Апрель 1880

«Потуши свечу, занавесь окно»

Потуши свечу, занавесь окно.
По постелям все разбрелись давно.
Только мы не спим, самовар погас,
За стеной часы бьют четвертый раз!

До полуночи мы украдкою
Увлекались речью сладкою:
Мы замыслили много чистых дел...
До утра б сидеть, да всему предел!..

Ты задумался, я сижу – молчу...
Занавесь окно, потуши свечу!..

Сентябрь 1881

«В кругу бездушном тьмы и зла»

В кругу бездушном тьмы и зла,
Где все – ханжи и лицемеры,
Где нет ни искры теплой веры,
Ты родилась и выросла.

Но ложь коснуться не посмела
Твоей духовной чистоты,
Иного ищешь ты удела,
К иным мечтам стремишься ты.

Напрасно! Нет тебе исхода,
Родным ты кажешься чужой,
И только чахнешь год от года
За бесполезною борьбой.

Так незабудка голубая
На топком берегу болот,
Свой скромный запах разливая,
Никем не зримая цветет.

1881

«Это было когда – то давно!...»

Это было когда – то давно!
Так же ты мне шептала: «Молчи».
И роняло косые лучи
Заходящее солнце в окно.

Или сон позабытый пришел
Так внезапно на память мою?
Или миг, что сейчас я обрел,
Тайно в сердце давно уж таю?

Заходящее солнце в окно
Золотые роняет лучи.
Ты чуть слышно шепнула: «Молчи».
Это было когда – то давно!

5 марта 1882

После грозы

Остывает запад розовый,
Ночь увлажнена дождем.
Пахнет почкою березовой,
Мокрым щебнем и песком.

Пронеслась гроза над рощею,
Поднялся туман с равнин.
И дрожит листвою тощею
Мрак испуганных вершин.

Спит и бредит полночь вешняя,
Робким холодом дыша.
После бурь весна безгрешнее,
Как влюбленная душа.

Вспышкой жизнь ее сказала,
Ее любить пришла пора.
Засмеялась, разрыдалась
И умолкла до утра!..

1892

«У поэта два царства: одно из лучей...»

У поэта два царства: одно из лучей
Ярко блещет – лазурное, ясное;
А другое безмесячной ночи темней,
Как глухая темница ненастное.
В темном царстве влачится ряд пасмурных дней,
А в лазурном – мгновенье прекрасное.

1882

Велимир Хлебников

«Где прободают тополя жечь...»

Где прободают тополя жечь
Осени тусклого паяца,
Где исчезает с неба тяжесть
И вас заставила смеяться,
Где под собранием овинов
Гудит равнинная земля,
Чтобы доходы счел Мордвинов,
Докладу верного внемля,
Где заезжий гость лягает пяткой,
Увы, несчастного в любви соперника,
Где тех и тех спасают прятки
От света серника,
Где под покровительством Януси
Живут индейки, куры, гуси,
Вы под заботами природы – тети
Здесь, тихоглазая, цветете.

1912

Детуся!...

Детуся!
Если устали глаза быть широкими,
Если согласны на имя «браток»,
Я, синеокий, клянуся
Высоко держать вашей жизни цветок.
Я ведь такой же, сорвался я с облака,
Много мне зла причиняли
За то, что не этот,
Всегда нелюдим,
Везде нелюбим.
Хочешь, мы будем – брат и сестра,
Мы ведь в свободной земле свободные люди,
Сами законы творим, законов бояться не надо,
И лепим глину поступков.
Знаю, прекрасны вы, цветок голубого,
И мне хорошо и внезапно,
Когда говорите про Сочи
И нежные ширятся очи.
Я, сомневавшийся долго во многом,
Вдруг я поверил навеки:
Что предназначено там,
Тщетно рубить дровосеку!..
Много мы лишних слов избежим,
Просто я буду служить вам обедню,
Как волосатый священник с длинною гривой,
Пить голубые ручьи чистоты,
И страшных имен мы не будем бояться.

13 сентября 1921

«Когда умирают кони – дышат...»

Когда умирают кони – дышат,
Когда умирают травы – сохнут,
Когда умирают солнца – они гаснут,
Когда умирают люди – поют песни.

<1912>

Кузнечик

Крылышка золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
«Пинь, пинь, пинь!» – тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!

<1908–1909>

«Мне мало надо!..»

Мне мало надо!
Краюшку хлеба
И капля молока.
Да это небо,
Да эти облака!

<1912, 1922>

«О Азия! тобой себя я мучу...»

О Азия! тобой себя я мучу.
Как девы брови, я постигаю тучу.
Как шею нежного здоровья.
Твои ночные вечеровья.
Где тот, кто день иной предрек?
О, если б волосами синих рек
Мне Азия покрыла бы колени
И дева прошептала таинственные пени,
И тихая, счастливая, рыдала,
Концом косы глаза суша.
Она любила! Она страдала!
Вселенной смутная душа.
И вновь прошли бы снова чувства,
И зазвенел бы в сердце бой:
И Мохавиры, и Заратустры,
И Саваджи, объятого борьбой.
Умерших их я был бы современник,
Творил ответы и вопросы.
А ты бы грудой светлых денег
Мне на ноги рассыпала бы косы.
«Учитель, – мне шепча, —
Не правда ли, сегодня
Мы будем сообща
Искать путей свободней?»

<1921>

«Снежно – могучая краса...»

Снежно – могучая краса
С красивым сном широких глаз,
Твоя полночная коса
Предстала мне в безумный час.
Как обольстителен и черен
Сплетенный радостью венок,
Его оставил, верно, ворон,
В полете долгом одинок.
И стана белый этот снег
Не для того ли строго пышен,
Чтоб человеку человек
Был звук миров, был песнью слышен?

1912

«Там, где жили свиристели...»

Там, где жили свиристели,
Где качались тихо ели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
Где шумели тихо ели,
Где поюны крик пропели,
Пролетели, улетели
Стая легких времирей.
В беспорядке диком теней,
Где, как морок старых дней,
Закружились, зазвенели
Стая легких времирей.
Стая легких времирей!
Ты поюнна и вабна,
Душу ты пьянишь, как струны,
В сердцеходишь, как волна!
Ну же, звонкие поюны,
Славу легких времирей!

Начало 1908

Владислав Ходасевич

Вечером синим

Вечерних окон свет жемчужный
Застыл, недвижимый, на полу,
Отбросил к лицам блеск ненужный
И в сердце заострил иглу.

Мы ограждались тяжким рядом
Людей и стен – и вновь, и вновь
Каким неотвратимым взглядом,
Являющим жалом, тонким ядом
Впилась усталая любовь!

Слова, и клятвы, и обьятья
Какой замкнули тесный круг,
И в ненавидящем пожатье
Как больно, больно – пальцам рук!

Но нет, молчанья не нарушим,
Чтоб клясть судьбу твою, мою,
Лишь молча, зубы стиснув, душим
Опять подкравшуюся к душам
Любовь – вечернюю змею.

Начало 1907

«Зазвени, затруби, карусель...»

Зазвени, затруби, карусель,
Закружись по широкому кругу.
Хорошо в колеснице вдвоем
Пролетать, улыбаясь друг другу.
Обвевает сквозным холодком
Полосатая ткань балдахина.
Барабанная слышится трель,
Всё быстрее бежит карусель.
«Поцелуйте меня, синьорина».

И с улыбкой царевна в ответ:
«Не хочу, не люблю, не надейся...»
– «Не полюбишь меня?» – «Никогда».
Ну – кружись в карусели и смейся.
В колеснице на спинке звезда
Намалевана красным и синим.
Мне не страшен, царевна, о нет,
Твой жестокий, веселый ответ:
Всё равно мы друг друга не минем.

И звенит, и трубит карусель,
Закрутятся по заветному кругу.
Ну, не надо об этом. Забудь —
И опять улыбнемся друг другу.
Неизменен вертящийся путь,
Колыхается ткань балдахина.

<1911>

«В беседе хладной, повседневной...»

В беседе хладной, повседневной
Сойтись нам нынче суждено.
Как было б горько и смешно
Теперь назвать тебя царевной!

Увы! Стареем, добрый друг,
И мир не тот, и мы другие,
И невозможно вспомнить вслух
Про ночи звездной Лигурии...

А между тем в каморке тесной,
Быть может, в этот час ночной
Читает юноша безвестный
Стихи, внушенные тобой.

13 июня 1920

«Вот в этом палаццо жила Дездемона...»

«Вот в этом палаццо жила Дездемона...»
Все это неправда, но стыдно смеяться.
Смотри, как стоят за колонной колонна
Вот в этом палаццо.

Вдали затихает вечерняя Пьяцца,
Беззвучно вращается свод небосклона,
Расшитый звездами, как шапка паяца.

Минувшее – мальчик, упавший с балкона...
Того, что настанет, не нужно касаться...
Быть может, и правда – жила Дездемона
Вот в этом палаццо?..

5 мая 1914

Дождь

Я рад всему: что город вымок,
Что крыши, пыльные вчера,
Сегодня, ясным шелком лоснясь,
Свергают струи серебра.

Я рад, что страсть моя иссякла.
Смотрю с улыбкой из окна,
Как быстро ты проходишь мимо
По скользкой улице, одна.

Я рад, что дождь пошел сильнее
И что, в чужой подъезд зайдя,
Ты опрокинешь зонтик мокрый
И отряхнешься от дождя.

Я рад, что ты меня забыла,
Что, выйдя из того крыльца,
Ты на окно мое не взглянешь,
Не вскинешь на меня лица.

Я рад, что ты проходишь мимо,
Что ты мне все – таки видна,
Что так прекрасно и невинно
Проходит страстная весна.

7 апреля 1908, Москва

«Леди долго руки мыла...»

Леди долго руки мыла,
Леди крепко руки тёрла.
Эта леди не забыла
Окровавленного горла.

Леди, леди! Вы как птица
Бьётесь на бессонном ложе.
Триста лет уж вам не спится —
Мне лет шесть не спится тоже.

1921

«Ищи меня в сквозном весеннем свете...»

Ищи меня в сквозном весеннем свете.
Я весь – как взмах неощутимых крыл,
Я звук, я вздох, я зайчик на паркете,
Я легче зайчика: он – вот, он есть, я был.

Но, вечный друг, меж нами нет разлуки!
Услышь, я здесь. Касаются меня
Твои живые, трепетные руки,
Простёртые в текучий пламень дня.

Помедли так. Закрой, как бы случайно,
Глаза. Ещё одно усилие для меня —
И на концах дрожащих пальцев, тайно,
Быть может, вспыхну кисточкой огня.

20 декабря 1917–3 января 1918

На грибном рынке

Бьется ветер в моей пелеринке...
Нет, не скрыть нам, что мы влюблены:
Долго, долго стоим, склонены
Над мимозами в тесной корзинке.

Нет, не скрыть нам, что мы влюблены!
Это ясно из нашей заминки
Над мимозами в тесной корзинке —
Под фисташковым небом весны.

Это ясно из нашей заминки,
Из того, что надежды и сны
Под фисташковым небом весны
Расцвели, как сводные картинки...

Из того, что надежды и сны
На таком прозаическом рынке
Расцвели, как сводные картинки, —
Всем понятно, что мы влюблены!

18–19 февраля 1917

Перед зеркалом

*Nel mezzo del cammin di nostra vita*¹

Я, я, я! Что за дикое слово!
Неужели вон тот – это я?
Разве мама любила такого,
Желто – серого, полуседого
И всезнающего, как змея?

Разве мальчик, в Останкине летом
Танцевавший на дачных балах, —
Это я, тот, кто каждым ответом
Желторотым внушает поэтам
Отвращение, злобу и страх?

Разве тот, кто в полночные споры
Всю мальчишечью вкладывал прыть, —
Это я, тот же самый, который
На трагические разговоры
Научился молчать и шутить?

Впрочем – так и всегда на середине
Рокового земного пути:
От ничтожной причины – к причине,
А глядишь – заплутался в пустыне,
И своих же следов не найти.

Да, меня не пантера прыжками
На парижский чердак загнала.
И Виргилия нет за плечами, —
Только есть одиночество – в раме
Говорящего правду стекла.

18–23 июля 1924, Париж

¹ На середине пути нашей жизни (*итал.*)

«Перешагни, перескочи...»

Перешагни, перескочи,
Перелети, пере – что хочешь —
Но вырвись: камнем из пращи,
Звездой, сорвавшейся в ночи...
Сам затерял – теперь ищи...

Бог знает, что себе бормочешь,
Ища пенсне или ключи.

Весна 1921, 11 января 1922

«Нет ничего прекрасней и привольней...»

Нет ничего прекрасней и привольней,
Чем навсегда с возлюбленной расстаться
И выйти из вокзала одному.
По – новому тогда перед тобою
Дворцы венецианские предстанут.
Помедли на ступенях, а потом
Сядь в гондолу. К Риальто подплывая,
Вдохни свободно запах рыбы, масла
Прогорклого и овощей лежалых
И вспомни без раскаянья, что поезд
Уж Мэстре, вероятно, миновал.
Потом зайди в лавчонку banco lotto²,
Поставь на семь, четырнадцать и сорок,
Пройдись по Мерчери, пообедай
С бутылкою «Вальполичелла». В девять
Переоденься, и явись на Пьяцце,
И под финал волшебной увертюры
«Тангейзера» – подумай: «Уж теперь
Она проехала Понтеббу». Как привольно!
На сердце и свежо и горьковато.

1925–1926

² Лотерейная контора (ит.)

Вадим Шершеневич

Жернова любви

Серые зерна молотим и бьем
Тяжелой и пыльной палкой,
В печке нечищенной пламенем томим,
Чтоб насытиться белой булкой.

Грязную тряпку на клочья и в чан
Рычагам на потеху, – и что же?
Выползает из брюха проворных машин
Белоснежной бумагой наружу.

Так мне нужно пройти через зубья судьбы
И в крапиве ожгучей разуться,
Чтобы вновь обеленным увидеть себя
И чтоб нежным тебе показаться.

1923

«О царица поцелуев!...»

О царица поцелуев! Ложе брачное цветами
Украшай в восторге пьяном и не думай о грядущем!
Шкуры львов и пестрых тигров пусть расстелятся пред нами.
Будь, как Солнце, ярким светом и, как Солнце, будь зовущей!

О принцесса дремных сказок! Тьму лесов наполни песней,
Созови из вод русалок, кликни дремлющего Пана.
Будь, как влага ранним утром, легче, тоньше, бестелесней,
Будь летучею росой или дымкою тумана!

О богиня строк певучих! Из темниц веков старинных
Пробуди напевы, звоны, сочетанье зыбких линий,
Будь звончей сонетов нежных – и прекрасных, и невинных,
Будь сама собой, о Сольвейг, лучезарною богиней!

1911

Последнее слово обвиняемого

Не потому, что себя разменял я на сто пятак
Иль, что вместо души обхожусь одной кашницей
рубленой, —
В сотый раз я пишу о цвете зрачков
И о ласках мною возлюбленной.

Воспевая Россию и народ, исхудававший в скелет,
На лысину бы заслужил лавровые венки,
Но разве заниматься логарифмами бед
Дело такого, как я, священника?

Говорят, что когда – то заезжий фигляр,
Фокусник уличный, в церковь зайдя освященную,
Захотел словами жарче угля
Помолиться, упав перед Мадонною.

Но молитвам не был обучен шутник,
Он знал только фокусы, знал только арийки,
И перед краюхой иконы поник
И горячо стал кидать свои шарик.

И этим проворством приученных рук,
Которым смешил он в провинции девочек,
Рассказал невозможную тысячу мук,
Истерзавшую сердце у неуча.

Точно так же и я... мне до рези в желудке
противно
Писать, что кружится земля и поет, как комар.
Нет, уж лучше перед вами шариком сердца наивно
Будет молиться влюбленный фигляр.

Август 1918

Принцип звука минус образ

Влюбится чиновник, изгрызанный молью входящих и старый,
В какую-нибудь молоденькую худощавую дрянь
И натвердит ей, бренча гитарой,
Слова простые и запыленные, как герань.

Влюбится профессор, в очках, плешеватый,
Отвыкший от жизни, от сердец, от стихов,
И любовь в старинном переплете цитаты
Поднесет растерявшейся с букетом цветов.

Влюбится поэт и хвастает: «Выграню
Ваше имя солнцами по лазури я!»
Ну, а если все слова любви заиграны
Будто вальс «На сопках Манчжурии»?!

Хочется придумать для любви не слова, а вздох малый,
Нежный, как пушок у лебедя под крылом,
А дураки назовут декадентом, пожалуй,
И футуристом – написавший критический том!

Им ли поверить, что в синий,
Синий,
Дымный день у озера, роняя перья, как белые капли,
Лебедь не по – лебяжьи твердит о любви лебедине,
А на чужом языке (стрекозы или цапли).

Когда в петлицу облаков вставлена луна чайная,
Как расскажу словами людскими
Про твои поцелуи необычайные
И про твое невозможное имя?!

Вылупляется бабочка июня из зеленого кокона мая,
Через май за полдень любовь не устанет расти,
И вместо прискучившего: «Я люблю тебя, дорогая!» —
Прокричу: «Пинь – пинь – ти – ти – ти!»

Это демон, крестя меня миру на муки,
Человечьему сердцу дал лишь людские слова,
Не поймет даже та, которой губ тяну я руки
Мое простое: «Дэ – сэ – фиорrrrrr – эй – ва!»

Осталось придумывать небывалые созвучья,
Малярною кистью вычерчивать профиль тонкий лица
И душу, хотящую крика, измучить
Невозможностью крикнуть о любви до конца!

Март 1918

Принцип растекающегося звука

Тишина. И на крыше.
А выше —
Еще тише...
Без цели...
Граммфоном оскалены окна, как пасть волчья.
А внизу, проститутками короновавши панели,
Гогочет, хохочет прилив человеческой сволочи.

Легкий ветер сквозь ветви.
Треск вереска, твой верящий голос.
Через вереск неся едкий яд, чад и жуть,
Июньский день ко мне дополз,
Впился мне солнцем прожалить грудь.

Жир солнца по крыше, как по бутербродам
Жидкое, жаркое масло, тек...
И Москва нам казалась плохим переводом
Каких – то Божьих тревожных строк.
И когда приближалась ты сквозными глазами,
И город вопил, отбегая к Кремлю,
И биплан твоих губ над моими губами
Очерчивал, перевернувшись, мертвую петлю, —
Это медное небо было только над нами,
И под ним было только наше люблю!

Этим небом сдавлены, как тесным воротом,
Мы молчали в удушьи,
Все глуше,
Слабей...
Как золотые черепахи, проползли над городом
Песками дня купола церквей.

И когда эти улицы зноем стихали
И умолкли уйти в тишину и грустить, —
В первый раз я поклялся моими стихами
Себе за тебя отомстить.

Июнь 1918

«Нет слов короче, чем в стихах...»

Нет слов короче, чем в стихах,
Вот почему стихи и вечны!
И нет священнее греха,
Чем право полюбить беспечно.

Ах, мимолетно все в веках:
И шаг чугунный полководца,
И стыд побед, и мощный страх, —
Лишь бред сердец веками льется!

Вот оттого, сквозь трудный бой,
Я помню, тленом окруженный:
– Пусть небо раем голубо,
Но голубей глаза влюбленной!

Пусть кровь красна – любовь красней,
Линяло – бледны рядом с ней
Знаменный пурпур, нож убийцы,
И даже ночь, что годы длится!

Как ни грохочет динамит
И как ни полыхнет восстанье, —
Все шумы мира заглушит
Вздых робкий первого признанья.

Вот потому и длится век
Любовь, чья жизнь – лишь пепел ночи,
И повторяет человек
Слова любви стихов короче!

1931